

*Я помню
её такой...*

Фаина

Глеб Скороходов

Раневская

Фура Великолепная,

или с юмором по жизни

Я помню ее такой...

Глеб Скороходов

**Фаина Раневская. Фуфа
Великолепная, или
С юмором по жизни**

«Алгоритм»

2013

УДК 792.071(470)
ББК 85.334.3(2)6-8

Скороходов Г. А.

Фаина Раневская. Фуфа Великолепная, или С юмором по жизни / Г. А. Скороходов — «Алгоритм», 2013 — (Я помню ее такой...)

ISBN 978-5-906861-05-4

Книга о потрясающей Фаине Раневской написана известным киножурналистом Глебом Скороходовым. Благодаря их многолетней дружбе автору удалось сохранить образ необыкновенной женщины, умевшей как никто видеть саму жизнь через призму искрометного юмора. В книге собрано все: беседы, письма, заметки о ролях в театре и кино, забавные истории и многочисленные редкие фотографии великой актрисы, занесенной в десятку выдающихся актрис XX века.

УДК 792.071(470)
ББК 85.334.3(2)6-8

ISBN 978-5-906861-05-4

© Скороходов Г. А., 2013
© Алгоритм, 2013

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
ПРАВО ГЕНИЯ	7
«КИНОПАНОРАМА» И ДРУГИЕ	14
ПОЕТ ЭДИТ ПИАФ	20
ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА С РОММОМ	24
«СЭВИДЖ» И «ДЯДЮШКИН СОН»	26
САМОЗВАНКА	30
ТАШКЕНТСКИЙ КАРАТАЕВ	34
КЛЯТВА МАРГАРИТЫ	37
«СЭВИДЖ». ПЕРВЫЙ ПРОГОН	39
ТАИРОВ И «ПАТЕТИЧЕСКАЯ СОНАТА»	41
АНТИПЫРЫН	45
НЕ ТОЛЬКО АКТРИСА	49
«С ДОСАДОЙ!»	54
ПРОГУЛКА ПО КРЕМЛЮ	56
РОЛЬ В ЧЕТЫРЕ ЭПИЗОДА	60
БУЛГАКОВ ПРОДОЛЖАЕТСЯ	63
ФИНАЛ ДЛЯ «СИНЕЙ ПТИЦЫ»	67
«РОМАН» ЭДВАРДА ШЕЛДОНА	69
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Глеб Анатольевич Скороходов

Фаина Раневская. Фуфа

Великолепная, или с юмором по жизни

ПРЕДИСЛОВИЕ

Автор хотел бы предупредить любезных читателей, что книга, которую вы открыли, хотя по форме и похожа на дневник, дневником ни в коем случае не является. Автор фиксировал свои впечатления, рассказы героини книги и диалоги с ней от случая к случаю. И делал это на протяжении пяти лет. Одно, без сомнения, объединяет все рассказанное в книге, – она посвящена актрисе, которую те, кто видел, забыть не смогут. Актрисе, о которой при ее жизни слагались легенды, а после ее смерти ей и по сей день приписывают все новые и новые изречения, будто она не играла в кино и театре, а сидела где-то в капище и всю жизнь, как пифия, изрекала мудрые мысли и предсказания.

И не только. Об этой актрисе уже сложили и продолжают слагать десятки анекдотов, якобы случившихся с ней. Очевидно, ее характер, образ мыслей, восприятие окружающего дают повод для такого мифотворчества. И если она не стала фольклорным персонажем вроде Василия Ивановича Чапаева, то, думаю, оттого, что ее собственное творчество оказывается сильнее мифа.

Это актриса на все времена – Фаина Григорьевна Раневская.

Она действительно была человек необычный. Необычность ее начинается с имени-отчества. В ее паспорте значилось: «Фаина Григорьевна Раневская», но в жизни ее чаще всего называли Фаиной Георгиевной Раневской. И устно, и письменно.

– Почему? – спросил я.

– Может, мне хотят польстить? Ведь Гришка – Отрепьев, а Георгий – Победоносец!

В книге Раневская почти всегда действует под инициалами «Ф. Г.»

ПРАВО ГЕНИЯ

Актерская психология мне представляется загадкой. Во всяком случае, объяснить ее, исходя из нормальной, повседневной логики, зачастую невозможно.

Ф. Г. вспомнила, как однажды пришла на обед к Качалову. Его дома еще не было – задержался на репетиции, – Раневскую встретила его жена. Через полчаса звонок. Входит Василий Иванович.

– Очень хорошо, что пришла, – говорит он Раневской. – Голодная? Сейчас же садимся. Качалов поправил пенсне, подошел к буфету и налил себе рюмку.

– Ну-с, очень хорошо, хорошо.

– Вася, у тебя что-нибудь случилось? – тревожно спросила жена.

– Нет, Ниночка, ничего, все очень хорошо.

– Что хорошо?

– Сегодня Владимир Иванович Немирович-Данченко отказал мне от роли Вершинина – и это очень правильно.

– Как?! Ты не будешь играть Вершинина? Как это можно?! А будет играть Болдуман – он моложе меня.

– Ну что ты, Ниночка, – Василий Иванович протер пенсне, – все очень правильно. Вершинин молод, а я уже не то. Ну, разве можно в меня влюбиться? – он надел пенсне. – Ну, посмотри?

– Но ты же мечтал играть эту роль. Я буду звонить, я это так не оставлю, – нервничала жена.

– Ничего не надо делать, Ниночка. Пойми, все правильно: в новом спектакле Вершинина будет играть Болдуман – он моложе меня, в него можно влюбиться. Все правильно, Ниночка.

А однажды Ф. Г. в случайном разговоре вдруг сказала мне о «праве гения», которым она, к сожалению, не обладает, ибо к лику гениальных причислить себя не может.

Талант – это неуверенность в себе и мучительное недовольство собой и своими недостатками, чего я никогда не встречала у посредственности

- Свинство не позволяет, – пояснила она.
- Право гения на что? – не понял я.
- Изумительное право не играть, если актер этого не может, – улыбнулась она.

Ф. Г. рассказала, как однажды Федор Иванович Шаляпин вышел уже в гриме на сцену в опере «Вражья сила» Серова. Отзвучал оркестр – певец молчит. Дирижер повторил вступление еще раз, затем другой... Шаляпин обвел грустными глазами зал, покачал головой и ушел со сцены.

К нему в уборную влетел владелец оперы – Зимин:

– Федор Иванович, что же это?! Аншлаг – публика вне себя!

Шаляпин посмотрел на него и тихо сказал:

– Не могу. Тоска.

И затем обратился к секретарю с распоряжением выписать Зимину чек на покрытие убытков.

– Хорошо право гения, если оно подкрепляется чековой книжкой! – улыбнулся я.

– О, в наше время это право умерло – может быть, вместе с гениями... Я не помню случая, – продолжала Ф. Г., – чтобы спектакль отменили по моей вине. Случается, что играть не хочется, – ну вот просто нет сил выйти на сцену. И нет настроения, желания общаться с партнерами. Павла Леонтьевна Вульф меня учила: в таком случае ни за что не насилуй себя, не нажимай на педали – играй спокойно – и настроение появится. Пребывай в тех обстоятельствах, в которые тебя поставила пьеса, действуй в этих обстоятельствах, нужное творческое самочувствие придет.

С Раневской я встретился в ноябре 1964 года. До этого я видел ее несколько раз.

Впервые – в 1947 году на премьере «Весны» в Зеленом театре. Премьера прошла со средним успехом: фильм показался громоздким, утомительным, а порой (например, в бутафорских опытах с солнечной энергией) и скучным. Восторг вызвали, пожалуй, только сцены Раневской и Плятта, особенно знаменитый кульбит на лестнице, фразы Маргариты Львовны: «Я возьму с собой «Идиота», чтобы не скучать в троллейбусе!», разговор по телефону: «Скорую помощь! Помощь скорую! Кто больной? Я больной. Лев Маргаритович. Маргарит Львович».

Кстати, и этот текст придумала сама Ф. Г. Когда Александров пригласил ее сниматься в «Весне», то в сценарии Маргарите Львовне отводился один эпизод: она подавала завтрак своей знаменитой племяннице.

– Можете сделать себе роль, – сказал Александров.

Именно персонаж Раневской и оказался наиболее интересным в этом фильме. И смешным тоже. А без смеха какая комедия?!

После премьеры зрители ринулись к актерам. Меня подхватила толпа, и вдруг я увидел Раневскую. Она стояла возле машины, почти у самого парапета Москвы-реки, испуганная и чем-то обеспокоенная. Я запомнил ее глаза: они не замечали мальчишек, орущих «Муля!», а смотрели поверх толпы, словно ища спасения.

Позже я узнал (Ф. Г. рассказала об этом), что все объяснялось просто: премьера затянулась, Ф. Г. безумно проголодалась, а где-то среди зрителей затерялась ее учитель и наставник Павла Леонтьевна Вульф, с которой она собиралась ехать ужинать.

В следующий раз я увидел Раневскую лет десять – пятнадцать спустя – в радиостудии на Центральном телеграфе. Она изменилась, постарела, хотя глаза оставались такими же – большими и немного испуганными, только теперь к тому же и грустными.

Катя Дыховичная (редактор «Театра у микрофона») тогда сказала, что Раневская только что записалась в сцене из спектакля «Деревья умирают стоя». Я поздравил актрису, поблагодарил ее и выразил надежду, что мы все (рядом стояло несколько редакторов) скоро услышим премьеру этой записи. Ф. Г. неожиданно заплакала и сквозь слезы призналась, что недовольна собой, что она так мало сделала.

Я в то время работал на радио в отделе советской прозы и, набравшись смелости, предложил:

– Фаина Григорьевна, а не хотели бы вы записать что-либо из советских писателей?

– Отчего же, можно, – согласилась она. – Можно и из советских: важно, чтобы материал был для меня. Я ведь не чтица, я не умею читать, я могу сыграть рассказ, понимаете?

Любовь к Раневской зрителей известна. Слабый фильм 1963 года «Осторожно, бабушка» вышел по посещаемости на первое место только потому, что в нем играла Раневская.

Дом актера устроил ее творческий вечер. Выступал Андроников – говорил хорошо, не выпуская из рук несколько листов бумаги, – и, хотя он почти не заглядывал в них, листки эти как бы свидетельствовали о серьезности речи, ее продуманности, отсутствии «юбилейного захлеба». Ираклий Луарсабович процитировал высказывание Рузвельта, посмотревшего в 1944 году «Мечту» (оно было напечатано в журнале «Лук»): «Мечта», Раневская – очень талантливо. На мой взгляд, это один из самых великих фильмов земного шара. Раневская – блестящая трагическая актриса».

На вечере в ее честь, устроенном ВТО, Раневская вышла на сцену в самом конце вечера. Актеры ей преподнесли цветы, ВТО вынесло пышную корзину.

Ф. Г. кланялась, снова выходила на аплодисменты, тихо говорила «Спасибо, спасибо» и чувствовала себя, как она рассказала позже, отвратительно.

– Терпеть не могу юбилеев и чествований. Актер сидит как истукан, а вокруг него льют елей и бьют поклоны. Это никому не нужно. Актер должен играть. Что может быть отвратительней сидящей в кресле старухи, которой курят фимиами по поводу ее подагры. Такой юбилей – триумф во славу подагры. Хороший спектакль – вот лучший юбилей.

Ф. Г. сказала мне это в дни, когда театр настаивал (и безуспешно) на праздновании ее 70-летия.

А тогда, в ноябре шестьдесят четвертого, в редакции мне поручили готовить новогоднюю радиопередачу «Веселые страницы». Я хотел построить ее на классике: Бабель, Зощенко, Ильф и Петров и, может быть, Катаев двадцатых годов. Стал думать об исполнителях. А что, если... Ведь Раневская обещала прочитать рассказы советских писателей.

Звоню Ф. Г.

– Я ведь вам сказала, – говорила она, – что я не чтица, мне нужно играть рассказ.

– Может быть, сами что-нибудь подберете?

– Хорошо, привозите рассказы. Я посмотрю. Все может быть.

Я объясняю, насколько все это важно и нужно и для радио, и для слушателей, и для меня, что Зощенко в новогодней передаче, да еще в исполнении Раневской, украсит всю программу.

Роль хозяйки меблированных комнат в фильме «Мечта» – мадам Розы Скороход открыла огромное трагическое начало в таланте Фаины Раневской

– О нет! Только не торопите меня, – сказала Ф. Г. – Я посмотрю, выберу. Если найду возможным что-либо прочесть, тогда мы уж будем говорить о записи. В общем, привезите мне рассказы.

Я был рад несказанно. Товарищи по работе, в частности Катя Дыховичная, отнеслись к моей радости скептически. Катя говорила, что Раневская непременно откажется, а если и запишется, то потом может забраковать и запись, и самое себя.

– Ты не знаешь, как она относится к своей работе, – говорила Катя, – это тебе не N. N. записывать, который любой рассказ с листа читает.

На следующий же день я поехал к Ф. Г. На звонок вышла она сама – в черном до пят халате и с гардинной палкой в руках.

– Откуда вы? Что это? – удивилась она.

– Я с радио, – сказал я. – Это книга.

– Голубчик, как же так можно без звонка? У меня ремонт – я не могу принять вас.

– А я только привез вам рассказы. Я забежал по пути на работу, – соврал я. – А то ведь времени до Нового года остается не так уж много.

– Спасибо, спасибо, – сказала Ф. Г. – Извините меня, что не могу принять вас. Позвоните мне, пожалуйста.

Я начал звонить Ф. Г. И, очевидно, очень быстро успел надоесть ей, ибо уже после второго или третьего звонка она сказала:

– Я выбрала кое-что. Если у вас есть желание и найдется время, приезжайте – я хотела бы прочитать вам, посоветоваться, подойдет ли это для вас. Когда вы сможете приехать?

– В любое удобное для вас время.

– Ну, приезжайте сегодня, сможете?

В тот же день я был у нее.

Рассматривать квартиру показалось неудобным. Стены были сплошь увешаны картинами, рисунками и фотографиями. Одно я успел заметить – нигде не фигурировала хозяйка. Простая, далеко не новая мебель – ее совсем немного: только самая необходимая или даже менее того. Но во всем чувствовался вкус и свой стиль, ненавязчивый, не бросающийся в глаза, не рассчитанный на восторг или неприятие. Запомнилось изобилие света – во всех комнатах горели все люстры, бра, настольные лампы и торшеры.

И хотя я пришел с деловым визитом, стеснение и неловкость поначалу не покидали меня. Но вот Ф. Г. заговорила, ее глаза смотрели внимательно и дружелюбно. Под этим взглядом, казалось, тысячу раз виденным с экрана, делалось легко, свободно и хотелось быть лучше.

Мы заговорили о Зощенко, его непростой судьбе, и я неожиданно для себя рассказал, как работал над главой о Михаиле Михайловиче для многотомной «Истории советской литературы», как не хватало мне живых свидетельств современников писателя.

– А вы не были знакомы с ним? – спросил я.

– Очень мало. Последний раз я его видела году в пятьдесят пятом. Он приехал в Москву и был в гостях у Пешковой – там, знаете, в горьковском доме на Малой Никитской. Был накрыт роскошный стол. Зощенко сидел очень печальный. Он раскланялся, и на лице его промелькнуло подобие улыбки. К еде он не притронулся.

Я не заметил, как пролетело два часа. Раневская прочла мне рассказ Зощенко «Пациентка» – о немолодой женщине, которая пришла к сельскому хирургу-фельдшеру не лечиться, а рассказать о своих переживаниях. Читала она неторопливо, как бы примеряясь к героям, но уже сочувствуя им, живя их волнениями. Слушая Раневскую, я по-новому воспринял рассказ героини. Раневская почувствовала в ней зощенковскую боль, которую не сразу и заметишь, ту частицу его «великой грусти», которую он всегда испытывал, видя ничтожность своих героев, смеясь над ними или сострадая им.

– Вот видите, это совсем не смешно, – заметила Ф. Г. – А ведь вам нужно смешное – в Новый год люди хотят веселиться... Боюсь, что это не подойдет.

Я стал уверять, что программа вовсе не рассчитана на сплошной хохот, что в ней найдется место и лирике.

– Хорошо, – сказала она, – я еще подумаю, почитаю, посмотрю. Здесь много замечательных рассказов, но боюсь, они не для меня – я ведь не чтица. Но я посмотрю еще...

«КИНОПАНОРАМА» И ДРУГИЕ

– Сегодня, когда ехал к вам на девятнадцатом, весь троллейбус обсуждал вчерашнюю передачу Каплера (популярную в то время «Кинопанораму». – *Ред.*), – сообщил я.

– Я все хотела вас спросить, – перебила меня Ф. Г., – где вы ходите? У Яузских ворот?! Голубчик, я же просила вас – проезжайте на одну остановку дальше. Возле этих жутких трущоб нельзя и минуты находиться: не ровен час, обчистят карманы или, того хуже, пырнут ножом.

– Ну, что вы! – засмеялся я. – Не во времена же Хитровки живем!

– А что изменилось? Когда я приехала сюда, на Котельническую, – это сорок восьмой год, кажется, – в этих жутких кварталах, спускающихся к реке, поверьте, все было как до революции. Только жителей стало вдвое больше. Мы с Павлой Леонтьевной (любимой своей учительницей и режиссером, которую она называла мамой. – *Ред.*) пошли гулять, так, увидев эту клоаку, женщину в драной ситцевой кофте – она набирала в ведро воду из колонки: там же ни водопровода, ни канализации, – «мама» сказала мне: «Фаина, мы попали в прошлый век. Никому не говори об этом. Это в столице государства, которое тридцать лет трубит, что оно для трудящихся».

И она оказалась права: прошло еще двадцать лет, и я сама видела, как грязные дети плескались у той же самой колонки – она возле трамвайной остановки. И рядом – наш небо-скреб для избранных, последнее воплощение сталинского размаха! Вы плохо представляете, каким он был, когда я въехала. Скоростные лифты, холлы с мягкой мебелью, ковры на лестницах белого мрамора, прорва услуги. И всюду охрана – в каждом подъезде привратники и лифтеры, которые бдели круглые сутки, чтобы, не дай бог, простые трудящиеся не увидели, как живут их слуги.

Котельническая набережная в Москве

Сейчас дом, конечно, поплошал – слуг народа в нем стало меньше, поразъезжались в новые дома получше, а трущобы у реки все те же. Я не раз говорила Таньке Тесс (известная в те времена журналистка. – *Ред.*):

– Ну, раз ты так обожаешь контрасты, ради них мотаешься по пять раз на год то в Париж, то в Лондон, то в Ниццу, напиши об этих кварталах у Яузы – таких контрастов нигде днем с огнем не сыщешь!..

Я предложил Ф. Г. все же пойти погулять – день отличный и жара уже спала.

– Только не к Яузе! Туда я больше ни ногой! – предупредила Ф. Г. – Я проведу вас лучше к Таганке, к торговым рядам. Накупим там требухи, свиных ножек, наварим холодца и станем с ним у пивной на Хитровке. Эх, родился я на полвека раньше!..

Мы двинулись по маршруту, и тут Ф. Г. вдруг спросила:

– Так что вы говорили о Каплере?

Я рассказал о вчерашней «Кинопанораме», в которой Алексей Яковлевич посвятил несколько страниц несчастным судьбам детей Голливуда – Джеки Кугана, Ширли Темпл, Джуди Гарленд, которых эксплуатируют, пока они приносят доход, а потом бросают на произвол судьбы.

– Люся так и сказал? – удивилась Ф. Г.

– Ну, приблизительно. И еще об их покалеченном детстве. И фрагменты показал прекрасные!

– А о том, что и Куган, и эта девочка Темпл стали миллионерами, он не говорил? Вот вам и Каплер, бесстрашный человек! Что делает ваше говенное телевидение с людьми! Люся

чудный, добрый и умный человек. Настоящий мужчина, лихой до безрассудства. Ему же все в Ташкенте твердили: «Что ты делаешь? Ты – автор фильмов о Ленине! Оставь этот роман со Светланой. Сталин узнает – не сносить тебе головы!» А он – не знаю, так уж любил Светлану или просто пошел ва-банк, но наплевал на все знамения, и его сгноили бы в лагерях, если б «отец народов» не дал дуба.

– Но он прекрасно ведет «Кинопанораму», – встал я на защиту Каплера, – его все любят, и если он и сказал там что-то о несчастных голливудских детях, то, по-моему, только для того, чтобы показать великолепные фрагменты из фильмов, которых мы никогда не видели!

– Он тут звонил мне, предлагал у него выступить, – Ф. Г. махнула рукой. – Только мне и лезть на телевидение! Я пыталась отшутиться: «Представляете – мать укладывает ребенка спать, а тут я своей мордой из телевизора: «Добрый вечер!» Ребенок на всю жизнь заикой сделается!» – «Дети, Фаиночка, в это время уже спят», – уговаривал он. – «Ну что же, тогда еще хуже, – сказала я, – жена с мужем выясняют отношения, и только он решил простить ее – тут я влезаю в их квартиру. «Боже, до чего отвратительны женщины!» – понимает он, и примирение разваливается!» – «Но зрители ждут вас! – нажимал Люся. – Я получил сотни писем с просьбами пригласить вас к экрану. Вас увидят миллионы!» – «Сколько? – ужаснулась я. – Я просто умру со страху. И вы, как Раскольников, будете стоять над мертвой старухой! Нет уж, дорогой Люсенька, я скорее соглашусь станцевать Жизель, чем выступить по телевидению!»

– Вы действительно так испугались? – спросил я.

– Так или не так, какая разница! Вы опять задаете пустые вопросы! В конце концов, имею я право на кокетство если не как женщина, то хотя бы как актриса?! Между прочим, Каплер, не приняв мой отказ, пообещал отомстить мне в следующей же передаче. «И месть будет страшной!» – пригрозил он. Жаль, что я ее не увижу...

– Почему вы не любите телевидение? – спросил я.

– Наконец-то нормальный вопрос! – обрадовалась Ф. Г. – Может быть, потому, что я люблю смотреть кино. В кинозале, с людьми, на большом экране. И не приемлю эти телевизоры с изображением в коробку «Казбека», с idiotскими линзами-аквариумами. Не могу к этому привыкнуть... Впервые я увидела «аппарат дальновидения» – так он тогда назывался – в 1939 году. Мы снимали «Подкидыш» и вечером пошли в гостиницу «Москва» – там в холле стоял опытный образец чудо-аппарата. Все ахали от восторга. А я смотрела: да, чудо, актеры где-то работают, а мы их видим здесь. Чудо, но меньшее, чем то, что поразило меня в детстве, когда фокусник в цирке распилил даму на две части – голову отдельно от ноги, и эти части, разнесенные в разные стороны, вдруг зашевелились. В тот же миг я расплакалась от ужаса! А тут глядела и оставалась равнодушной. Не волнует меня телевидение и сегодня.

Мы дошли до садика, в котором стоял мраморный бюст Радищева.

– Вот куда я вас вела, – обрадовалась Ф. Г. – Здесь уютно и тихо, никто не знает ни памятника, ни садика – ни пионеры, ни алкоголики. Можно спокойно посидеть и выкурить наконец сигарету!

Отдышавшись, она продолжала:

– Представляю, сколько благоглупостей звучит с экрана! Об одних «Голубых огоньках» я столько слышана. С меня хватит и радио. Утром, когда у меня работает моя «точка», я хоть могу мазать хлеб маслом и пить чай, не уставаясь, как умалишенная, в экран. И радио-благоглупостей на мою жизнь мне достает! Я же давала вам свой список горестных заметок. Выбросили, наверное?..

Позже я нашел этот листок, на котором Ф. Г. выписала idiotизмы, прозвучавшие по радио. Это главным образом названия передач вроде: «Знаете ли вы мир прекрасного?», «В гостях у Федькиных», «Искусство сближает сердца», «В вихре танца»...

– А почему бы вам не посмотреть, как Каплер отомстит вам? – спросил я. – Это же интересно!

– Нисколько. Это во-первых. А во-вторых, где? К соседу, Риме Кармену, не пойду: и дома его чаще всего нет, и странно это: «Здравствуйте, я ваша тетя!» Нет-нет! К Галине Сергеевне (Улановой) можно, но тоже надо заранее предупредить ее, она не откажет, но будет менять свои планы, куда-то не пойдет. А сидеть с ней – одно удовольствие: за вечер проронит две-три фразы. Вот, пожалуй, к кому можно смело идти, так это к Лиде Смирновой. Открытая душа, и мне будет рада. Искренне, без притворства! Расскажет в лицах о своем новом романе, да так, что и про передачу забудем! Когда мы с ней снимались в этом михалковском дерьме «У них есть Родина», мы так дружно страдали по своим возлюбленным – слезы лились в четыре ручья!..

Вы опять начинаете о моей роли! Я же не об этом. Да, фрау Вурст у меня получилась. Вурст – по-немецки колбаса. Я и играю такую толстую колбасу, наливающую себя пивом. От толщинок, которыми обложились, пошевелиться не могла. И под щеки и под губы тоже чего-то напихала. Не рожа, а жопа.

В роли фрау Вурст в фильме «У них есть Родина». 1948 г.

Но когда я говорю о михалковском дерьме, то имею в виду одно: знал ли он, что всех детей, которые после этого фильма добились возвращения на Родину, прямым ходом отправляли в лагеря и колонии? Если знал, то тридцать сребреников не жгли ли руки?..

И вот вам дополнение к вопросу о жутких судьбах детей в Голливуде. Только на этот раз не об ихних, а о наших. Непросто ведь здесь все!

Ф. Г. закурила и после паузы продолжала:

– Вот вам один пример. Я дважды снималась не с девочкой, а с живым чудом – с Наташей Зацепиной. Вы знаете эти картины – «Слон и веревочка» и эта самая – «У них есть Родина».

Я сначала боялась Наташи, все актеры боятся играть с детьми: они ведь не играют, а живут, так верят в происходящее, что разоблачают любого актера, который такой веры не нашел.

Неожиданно мы подружились. Может, оттого, что я вообще не умею сюсюкать и говорила с Наташей как со взрослой. А ей было шесть лет! Кроха! Это сорок пятый год, только война кончилась. Она приходила ко мне в уборную и наблюдала, как меня гримируют.

– Тебе интересно играть в мою бабушку? – спрашивала.

– Интересно.

– А ты меня уже любишь? – снова спрашивала она, когда мне натягивали парик.

– Я тебя всегда люблю, – говорила я.

– Но теперь, когда ты уже моя бабушка, сильнее?.. Пересмотрите ее фильмы. И «Жила-была девочка» – там ей три годика, и «Первоклассницу», где ей уже восемь. И не в том дело, что не найдете фальши. Нет, тут что-то есть такое, что трудно обозначить словами. Что-то такое, когда должно бы вроде быть стыдно, что видишь то, что видеть нельзя, а стыдно не становится – только восхищаешься: как здорово!

У Наташи киношная судьба не сложилась. Может, режиссеры ее не разглядели, когда она стала взрослой. После ВГИКа пошла в Театр сатиры, говорят, хорошо работает. Не знаю, я не видела. Но что-то ушло, если ее ставят в длинный общий ряд.

ПОЕТ ЭДИТ ПИАФ

– Наталью Кончаловскую знаете? – спросила Ф. Г.

– Которая написала самое короткое в мире стихотворение в соавторстве с мужем? С самим Сергеем Михалковым! Решила потягаться с Чуковским и написать новую, антибактериальную поэму-сказку для детей.

Муха села на варенье, —

сочинила она первую строчку. В это время ее позвали к телефону, в коридоре, а Михалков, увидев сочиненное, добавил свое:

Вот и все стихотворенье!..

– Кончайте валять дурака, — остановила меня Ф. Г. – Наташа несколько раз звонила мне, приглашала. Я отнекивалась, сколько могла, но больше тянуть невозможно. Предлагаю вам сопровождать меня завтра в концерт Натальи Кончаловской, — сказала Ф. Г. безразлично.

– А что будет петь несравненная? – спросил я.

– Вы меня иногда ставите в тупик: откуда у вас берутся такие приступы слабоумия? Ерничаете над женщиной, не зная ее! «Я вам не давала никакого повода», — процитировала она неизвестно что. — Мы идем на концерт-лекцию «Поет Эдит Пиаф», и дадут его не в Театре эстрады, а в Московском университете! В Коммунистической аудитории! Надеюсь, понятно, что такая аудитория требует соответствующего настроения!

Священного трепета стены Коммунистической у меня не вызывали: сколько здесь выслушано лекций Радцига по истории Древней Греции, Ади Яновны по истории советского кино (был такой факультатив!), докладов и выступлений на комсомольских собраниях. Правда, на этот раз нас усадили на самые почетные места — в первый ряд, где никогда мне сидеть не приходилось.

На сцене появилась дама солидного возраста, но кокетливая и улыбчивая, очень аккуратная: на лбу тщательно уложенные колечки – одно к одному, отглаженное платье с оборочками и рюшечками, кружевной платочек, изящно выглядывающий из левого рукава.

– Ах, Париж, Париж, – начала она, – город снов и мечты! Не забыть его площадей, бульваров, улочек с кафе на открытом воздухе, предназначенных не для буржуа, а для простодушинов. В одном из таких кафе меня пригласил на вальс человек с крепкими руками рабочего.

«Откуда вы такая?» – спросил он. «Я из Страны Советов, из Москвы», – сказала я. И чудо: он, изумленный, прекратил всякие ухаживания и только просил об одном: «Расскажите о вашей стране!..»

Кончаловская сделала глаза и заговорщицки кивнула Раневской. Опешившая Ф. Г. растерянно улыбнулась и незаметно толкнула меня в бок:

– Не смейтесь, умоляю!..

Как ей было трудно! Кончаловская на сцене работала для нее, и только на нее. Она обращалась к ней, рассказывая о судьбе Эдит Пиаф, как бы предлагая разделить вместе с нею страдания певицы, а когда звучали фонограммы с голосом «парижского воробышка» (почему-то именно это сравнение пришлось Кончаловской более всего по душе, и она употребляла его без конца), когда Пиаф запела свои трагические монологи, рассказчица переживала вместе с ней, успевая посылать Ф. Г. выразительные взгляды: «Ну как?!» Слушая певицу, она кивала, показывая, что понимает каждое ее слово, одобряет наиболее, с ее точки зрения, удачные строфы, а после окончания песни закрывала глаза, не в силах прийти в себя от нахлынувших чувств и впечатлений и держа паузу. Если же в зале вспыхивали аплодисменты, Кончаловская вставала со своего кресла и величественно склоняла перед публикой голову – влево, вправо.

– Можно ей крикнуть «бис»? – тихо спросил я Ф. Г.

– Прошу вас, тише. Потерпите, – шептала она и тут же делала внимательно-восторженное лицо.

Москва 50-х годов XX века

– Боже, какой позор! Ну, я натерпелась, – говорила Ф. Г., когда мы пошли после концерта домой. – Сейчас у нас мерзкие, серые газеты – все на одно лицо. А будь моя воля, я воскресила бы традиции нэпа и поместила бы рецензию «Страшная месть Коммунистической!». Этот замучивший нас ленинский тезис о соответствии формы содержанию! еще один такой концерт, и я подпишусь на полное собрание всех классиков марксизма сразу...

Недавно я прочла очень любопытную статью Чуковского, в «Литературке», кажется, как раз на эту тему. Корней Иванович вспоминает, что еще до революции купил роскошное издание «Войны и мира» с многочисленными цветными иллюстрациями. Делал их художник Апиц, мещанин по натуре и обыватель по восприятию. Чуковский начал в который раз читать Толстого и не смог! Мешала цветная дребедень с завитушечками, рюшечками и сантиментами! Так представляете: Корней Иванович заперся в своей комнате, сел у печки и всю ночь сладострастно вырывал картинки из книги, из всех томов. И жег их. Жег с наслаждением, пока не убедился, что ни одной не осталось!..

У меня к вам просьба: у вас же есть записи, принесите их, давайте просто послушаем одну великую Пиаф.

На следующий день я принес Ф. Г. магнитофон и пленку Пиаф, где записаны двенадцать ее последних песен. Мы слушали молча. Ф. Г. лежала на тахте, подложив под голову подушки, и плакала, закрыв глаза ладонями. Трагическая песня «Белые халаты» напугала ее. Когда я предложил повторить запись, она сказала:

– Не надо. Мне нельзя. Я очень боюсь.

Это «я боюсь» было сказано и во время чтения второй части зощенковского «Перед восходом солнца». Я читал роман вслух, Ф. Г. восхищалась удивительным языком его, мыслями, картинами прошлого, ей знакомого и близкого. Когда же Зощенко перешел к выяснению причин своего страха, к поискам истоков нервного расстройства и стал рассказывать о внезапно появлявшейся в его воображении руке, от которой он не мог скрыться, Ф. Г. прервала меня:

– Прошу вас, пожалуйста, не надо. Мне нельзя!

После всего, что Ф. Г. видела и пережила в Гражданскую войну: голод, тиф, жестокость и зверства террора, с трупами, раскачивающимися на фонарях и лежащими неделями на улицах, – всего, что так гениально описал Булгаков в «Белой гвардии» и «Беге», она заболела: боялась выходить из дому, переходить дорогу (этот страх сохранился у нее надолго). Ей пришлось лечиться. Болезнь вынудила ее оставить на время сцену: Ф. Г. не решалась ступить на подмостки, особенно подходить к их краю: ей казалось, что там, где сидят зрители, – обрыв, пропасть, бездна.

Зощенко пишет о том, как, выяснив причины возникновения своего страха, он смог сам излечиться, убедить себя, что в основе его боязни лежит не что иное, как цепь бессвязных совпадений, цепь случайностей, поразивших в детстве его воображение.

Не знаю, как прошло лечение Ф. Г. Может быть, страх перед больницей, перед необходимостью бросить сцену – лучшее, что у нее тогда было, – победил остальные страхи. Но когда Раневская появлялась в первом акте «Странной миссис Сэвидж» в «Тихой обители», догадывалась, где она, и, испытывая страх человека, которого засадили в психушку, боялась подойти к рампе, я каждый раз вспоминал ее рассказ о том, что случилось полвека назад.

ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА С РОММОМ

Начало тридцатых годов. Раневская играет в Камерном. Однажды ей сказали:

– Вас хочет видеть режиссер с кинофабрики.

За кулисы пришел худенький молодой человек в потертых брюках и пиджаке, выглядевшим на два размера меньше нужного, с обтрепанными рукавами.

– Здравствуйте. Я – Михаил Ромм.

Ф. Г. фамилия показалась очень знакомой.

– Здравствуйте! – радостно улыбнулась она. – Я о вас так много слышала!

– Ну что вы! – остановил ее Ромм. – Вы слышали о другом – о знаменитом Рооме, а я начинающий и еще ничего не успел сделать.

Ф. Г. смутилась, а Ромм предложил ей сняться в его фильме «Пышка», сценарий которого он написал сам по мопассановской новелле. Прочитав сценарий, Раневская дала согласие.

Почти все съемки «Пышки» велись ночью.

– С тех пор у меня и появилась бессонница, – как-то призналась Ф. Г.

Но роль госпожи Луазо так увлекла ее, что заслонила физические трудности. Вот одна характерная деталь. Ромм снимал «Пышку» в немом варианте. Несмотря на это, Ф. Г. достала подлинник мопассановского рассказа и затвердила несколько фраз госпожи Луазо на языке оригинала. Это помогло ей почувствовать себя француженкой.

Когда в Советский Союз приехал Ромен Роллан, Горький решил развлечь его фильмом «Пышка». Картину крутили на горьковской даче. Дошли до эпизода, где госпожа Луазо бранит Пышку, – Роллан вдруг подпрыгнул на стуле от восторга. Раневская выразительно произнесла по-французски слово, близкое к русскому «проститутка». Артикуляция актрисы дала возможность «услышать» то, чего был лишен экран.

Кадр из фильма Михаила Ромма «Пышка». Раневская в роли госпожи Луазо

После фильма Роллан долго хвалил работу Ромма и среди актеров Раневскую. Картина по его просьбе демонстрировалась во Франции и прошла там с огромным успехом.

– Вы моя добрая звезда, – сказал Ромм Раневской, – вы принесли мне удачу.

С Роммом Раневская сделала свою лучшую роль в кино – Розу Скороход в «Мечте».

Когда Ф. Г. оказалась случайно в одной больнице с Михаилом Ильичом, они долго разговаривали, вспоминали и свою первую встречу.

Ирония судьбы: когда-то неизвестный Ромм стал «одним из самых» – причем признанных не только официозом, но и зрителем. А Роома, о котором с завистью говорил Михаил Ильич в тридцать втором, сегодня чаще вспоминают как автора «Гранатового браслета» – последней цветной экранизации повести Куприна, получившейся на экране пошлой и слезливо-сентиментальной. Сатирики окрестили ее кулинарной книгой по изготовлению пунша в арбузе и других ресторанных редкостей.

«СЭВИДЖ» И «ДЯДЮШКИН СОН»

Когда я получил перевод от Ф. Г. перевод «Странной миссис Сэвидж» и прочел его, то перед тем, как вернуть пьесу Ф. Г., решил показать ее своим друзьям. Мы читали ее вслух с одним антрактом, не отрываясь.

Любопытными показались некоторые рассуждения автора. Например, это: весь мир – сумасшедший дом, но в настоящем сумасшедшем доме человеку лучше, чем в безумном мире. В психушке, по крайней мере, известно, с кем имеешь дело. В нормальном же мире никто никогда не знает, какие сюрпризы ему уготованы.

– Говорите, говорите все, что вы думаете о пьесе, – просила Ф. Г., едва я приехал на следующий день к ней.

Я рассказал о мнении друзей.

– А не скучно ли это будет смотреть? – забеспокоилась Ф. Г. – Поймет ли зритель? Не чересчур ли статична она?

Я пытался доказать обратное, а Ф. Г. рассмеялась:

– Вы добрый, вы меня утешаете! – и сказала уже серьезно: – Пять лет я добиваюсь постановки этой пьесы и до сих пор не знаю, пойдет ли когда-нибудь она. Я хотела бы сыграть эту роль. Мне кажется, что она у меня может получиться.

– Эта роль написана для вас, – сказал я. – Трудно представить в ней кого-нибудь другого.

Ф. Г. благодарно улыбнулась. Мы закурили. После глубокой затяжки она сказала:

– Вот в чем я вам хотела признаться: иногда я боюсь этой пьесы, боюсь этой роли – вдруг, я не смогу ее сыграть. Вы знаете (она перешла на полусшепот), после «Дядюшкиного сна» Завадский сказал мне: «Фаина, вы плохо играете, вам надо отказаться от Марии Александровны».

– Он не прав, – сказал я.

– Нет, здесь дело в другом – его не заботила моя работа. Он в тот момент был занят другим. И вот я подумала: может быть, хватит, может быть, пора уйти из театра? Ну зачем

мне такая жизнь: я сейчас ничего не играю, ни одной роли. Единственная связь с театром – это зарплата, которую мне привозят на дом. А что впереди? Снова спекулянтка из «Шторма». И ничего больше. На «Сэвидж» надежд никаких. Так для чего же мне театр? Я там ничего не делаю. И смогу ли еще сделать, не знаю...

Это не было случайным признанием. Я видел, в каком состоянии находится Раневская. История с «Дядюшкиным сном» травмировала ее. Мне нравилась Раневская в роли Марии Александровны. И если спектакль в целом не показался удачным (он был сумбурным, порой действие его почти останавливалось), если спектакль никак нельзя было назвать «шагом вперед», то участие в нем Раневской делало его событием.

К сожалению, «Дядюшкин сон» вскоре лишился этого козыря. Театр собирался на гастроли в Париж. Пьеса Достоевского отвечала рубрике «русская классика», и ее включили в гастрольную афишу.

Завадский вызвал Ф. Г.

– Фаина, хотел с вами посоветоваться. Как быть с Верой Петровной? – спросил он. – Марецкая – украшение нашего театра, а ей не с чем ехать во Францию!

– Ну, пусть она играет Марию Александровну, я откажусь от роли, – сказала Ф. Г.

– А как же Париж? – спросил Завадский.

– Я была в Париже. И не раз. Боюсь, что теперь он уже не для меня.

Больше в «Дядюшкином сне» Раневская не появлялась.

– У меня не получилась роль, – сказала она Юрию Александровичу, чтобы успокоить его. – Не волнуйтесь, больше я на нее не претендую.

Огромная работа оказалась перечеркнутой.

Потом, много времени спустя, я понял, в какое трудное время я застал Ф. Г. Она оказалась у разбитого корыта: ничего в театре, ни одного предложения в кино. Никаких перспектив.

В спектакле «Странная миссис Сэвидж»

Может быть, поэтому она ухватилась за предложение записаться на радио. Не знаю, удавалось ли во время наших встреч хоть немного развеять ее невеселое настроение. Она читала мне Зощенко – один, другой, пятый раз. Предложила записать рассказы Чехова. Потом неожиданно – стихи Саши Черного:

– Это же блестящая сатира! И поэзия настоящая, у нас мало известная – слушатели вам будут благодарны!

И хоть все это заменить театра не могло, Ф. Г. не раз повторяла как заклинание:

– Мне нужно работать. Нужно работать. Могу твердить это подобно чеховской Ирине. Справедливость этих слов понимаешь, только когда попадешь в мое положение. Почти безысходное. Признаюсь вам, хоть и подозрительно отношусь к откровениям. Самый тяжелый для меня теперь день – тот, в который мне домой привозят зарплату. Я уже не помню, когда была в последний раз в театре, получаю деньги, ничего там не делая. И это никак не радует. Напротив. Скоро я забуду запах кулис и свежeweымытого пола сцены...

Ф. Г. все свои силы направила на «пробивание» новой пьесы. Той самой «Странной миссис Сэвидж».

Одна из приятельниц Ф. Г. – Елизавета Моисеевна Абдулова, вдова замечательного артиста, посоветовала ей оставить все хлопоты:

– Ну зачем вам это нужно? Новая роль, новые волнения?! Поберегите себя! Разве вы не заслужили отдыха? Вам как народной и лауреату дадут, конечно, персональную пенсию, и заживете себе припеваючи, без ненужных волнений.

А ей казалось: без новых волнений не будет ничего вообще, кончится все.

Когда «Сэвидж» уже шла на сцене, мы вспоминали это трудное время.

– Да, я сумела выкарабкаться, – сказала Ф. Г. – Лиза ничего не поняла, кругозор обывателя ей не позволил. Она – неглупый человек, но этого мало. Иной раз встречаешь людей, к сожалению, нечасто, которые владеют ценным даром природы – умом сердца. Ум сердца позволяет все понять и почувствовать.

САМОЗВАНКА

Я застал Ф. Г. с альбомом в руках, куда она переписала роль миссис Сэвидж.

– Вы работаете?

– Постепенно привыкаю к роли. Я же никогда не учу текста. Читаю, думаю, жду, когда чужие слова станут моими.

Зазвонил телефон.

– Алло! Да, да. – Ф. Г. прикрыла микрофон и прошептала мне: – Возьмите скорее трубку!

Я подошел к параллельному аппарату.

– У меня уже есть перевод этой пьесы, и вы, товарищ Голышева, хорошо это знаете, – сказала Ф. Г.

– У вас не тот перевод. Я сделала лучше, – утверждал скрипучий голос.

– Но театр уже заключил договор с другой переводчицей, с Тамарой Блантер, и мы начинаем работу над пьесой.

– Это не имеет значения. Договор всегда можно расторгнуть. Я предлагаю вам товар самого высокого качества. Можете сами в этом убедиться: пошлите перевод Блантер и мой в экспертную комиссию. Вы увидите, какова будет оценка!

– Послушайте, уважаемая, – Ф. Г. начинала закипать. – Мне не нужна экспертиза. Неужели вы не понимаете, что речь о другом? Вы от меня случайно узнали о существовании этой пьесы, узнали, что мне разрешили ее играть, и сделали свой перевод. Но ведь разыскала пьесу Тамара Блантер!

– Это не имеет никакого значения! Какая разница, откуда я узнала. Вам нужно думать о качестве перевода, о том, что вам придется говорить со сцены.

– Извините, но этот разговор мне неприятен, я не могу его больше продолжать! Всего доброго.

Ф. Г. бросила трубку.

– Какая наглость! Старая карга! Самозванка! – возмущалась она. – Ну что мне делать, а? Но и я хороша! Кто меня тянул за язык рассказать ей об этой пьесе?! А она, как гангстер, – скорее, скорее, – по-моему, перевела за неделю! еще бы: если пьеса пойдет с успехом, то возрастут доходы. Сколько там процентов платят им с каждого спектакля?

– Я не помню. Кажется, два или три.

– А, это неважно! Нет, вы объясните мне, откуда такое вероломство? Ведь переводы этой дамы запрудили все сцены! – Ф. Г. заходила по комнате. И внезапно остановилась: – А вы знаете, что она может сделать? Она отнесет «Сэвидж» в другой театр и отдаст ее другой актрисе.

– А разрешение? – сказал я.

– Наивный вы человек. Если пьеса попадет к Тарасовой или Степановой – обе, конечно, не в пример мне, дружат с Фурцевой, – неужели, вы думаете, они не добьются своего! Какая я дура! Что я наделала! – Ф. Г. схватилась за голову. – Нет, вы ничего не понимаете! Как только у нас в театре узнают, что «Сэвидж» ставят во МХАТе, немедленно отменяют все! И репетиции никогда не начнутся. Думаете, кто-нибудь, кроме меня, обрадовался разрешению? Нужен малейший повод, чтобы театр отказался от постановки! Завадскому на пьесу наплевать, раз не он ее ставит. Верка, когда «Сэвидж» читали на труппе, заявила, что не понимает, зачем нам эта пьеса, если очевидно, что успеха она иметь не будет! Я-то сразу поняла, что Вера Петровна учуяла, какая Сэвидж выигрышная роль! Слава Богу, не первый год в театре, научилась читать и тексты и подтексты, знаем, как оценивается роль, если она достается сопернице.

Я давно не видел Ф. Г. такой. Она ходила вдоль комнаты, от дверей – к окну, и, мне показалось, возбуждалась от собственных слов.

– Но погодите, – попытался я успокоить Ф. Г., – Голышева никуда пьесу не носила, никто Фурцеву ни о чем не просил и «Моссовет» постановку «Сэвидж» не отменял. Волноваться еще рано!

– Волноваться надо сейчас, – сказала Ф. Г., остановившись. Она села и продолжала уже спокойно и рассудительно, как бы проигрывал возможную ситуацию: – Предположим, дамы добьются от министра разрешения. Что делаю я? Прийти к ней с поллитрой не могу – вы знаете, что со мной делает алкоголь, я тут же наговорю ей такого, что меня ни один театр не примет! Разжалобить ее, сыграть несчастную старуху, у которой от слез мокрые десять платков? Но она подумает: «И зачем ей, такой развалине, лезть на сцену? На покой давно пора!»

Театр им. Моссовета, где Фаина Георгиевна играла в 1949–1955 и 1963–1984 гг.

– Я знаю, что делать! – Меня вдруг осенило. – Не ручаюсь за результат, но попытка – не пытка. У нас в редакции работает Рита Фирюбина – Фурцевой она падчерица. Может, действовать через нее?

– Голубчик! – Ф. Г. всплеснула руками. – Что же вы молчали! Да лучше этого и придумать нельзя.

Она вдруг повеселела, засмеялась, взяла сигарету:

– Ах, как хорошо! Я завтра же позвоню этой Рите: «Родная вы моя, спасите сиротку! Ваша мачеха хочет погубить ее!»

И, смеясь, потащила меня на кухню:

– Давно пора чаевничать. Берлинские печенья нас заждались!

Странный все-таки организм – театр. Он живет по своим законам, которые, боюсь, мне так никогда и не понять. Ф. Г. оказалась права.

– Катастрофа! – сказала она мне по телефону. – Самозванка, как я ожидала, без дела не сидела – она пристроила свой перевод! Нет, во МХАТ она не пошла, она сделала ход тонкий и, думаю, беспронимательный – прочла пьесу Бабановой. Марию Ивановну я обожаю! Что говорить, какая она актриса! Но сидит без ролей. «Кресло № 16» у нее не получилось – какая из нее комическая старуха! Она ухватилась, как мне сказали, за «Сэвидж», но ведь это совсем не ее роль – с юмором у Марии Ивановны всегда обстояло туго.

Вот о чем я хотела вас попросить. Не надо пороть горячку, но что если ваша подруга попытается узнать, действительно ли «Сэвидж» разрешена только «Моссовету»? Не сможет ли ее репетировать другой театр? И как в таком случае посмотрит министерство на дублирование репертуара, тем более что речь идет о пьесе западного автора? Вы понимаете, как я буду ждать результата?..

По моей просьбе Рита Фирюбина села за телефон.

– Закрой дверь и никого сюда не пускай! – распорядилась она грозно. Она набирала разные номера, называла кого-то по имени, кого-то по имени-отчеству, ворковала, смеялась, что-то обещала и, наконец, сообщила: – Отдел театров подтвердил: пьеса разрешена только «Моссовету», ему принадлежит право первой постановки.

Результат оказался самым неожиданным. Ю. А. Завадский, узнав, что «Странной миссис Сэвидж» заинтересовался Театр Маяковского, отдал распоряжение немедленно начать репетиции.

– Но Варпаховский занят в Малом, – сказали Юрию Александровичу в репертуарной части.

– Ничего! Пусть репетирует параллельно!

ТАШКЕНТСКИЙ КАРАТАЕВ

Зачем я пишу о некоторых вещах, которые могут показаться незначительными, мелкими – и скорее всего, они таковы на самом деле? Я пишу о Раневской, актрисе и человеке.

Тут без мелочей не обойтись: уж очень они порой красноречивы.

Да и сама Ф. Г. знала цену мелочам.

– Прочли, как Алиса Георгиевна пишет о Станиславском? – спросила она меня, держа в руках очередной номер журнала «Театр» с воспоминаниями Коонен. – Как я люблю Константина Сергеевича, повторять не стану, но вот одна деталь, восхитившая меня. Алиса Георгиевна пишет, как Станиславский увлеченно готовился к выступлению в «капустнике», где собирался изображать дрессировщика лошадей. Подчеркиваю: к выступлению в «капустнике» для своих, а не в спектакле для публики. Он нанял настоящего жокея и обучался у него приемам владения хлыстом. В течение нескольких дней во МХАТе, этом храме искусства, в его фойе раздавалось, как в цирке, хлопанье бича – ученик оказался усердным! Эта мелочь, по-моему, говорит о характере Константина Сергеевича больше, чем страницы пространных рассуждений.

Ф. Г. рассказывала много, и чаще всего она воскрешала страницы прошлого «к случаю», по ассоциации.

Как-то в один из вечеров, когда Наталья Иосифовна Ильина заговорила об Ахматовой, я попросил Ф. Г. рассказать об Анне Андреевне – о той встрече в Ташкенте, далеко не первой, что произошла в годы войны, в эвакуации. Эти воспоминания я уже слышал раньше, они восхитили меня и врезались в память.

Для Натальи Иосифовны Ф. Г. повторила свой рассказ. И я удивился, как точно она это сделала. Нет, она не воспроизводила заученный текст, она, как всегда, импровизировала. Но в деталях была безошибочна и неизменна.

Анна Ахматова

Выслушав Ф. Г., Ильина хлопнула в ладоши:

– Все! Мы немедленно запишем это! Клянусь вам, я приложу все усилия, чтобы ваш рассказ был опубликован в самом приличном издании! Как коробейник, предлагаю вам любое – выбирайте!

– Ну что вы, что вы! – замялась Ф. Г. смущенно. – Нет, нет, я никогда не сделаю этого. Боюсь, это будет по крайней мере нескромно. Что это я вдруг начинаю рассказывать о себе и Ахматовой? Хвастаюсь этой дружбой?

Все доводы Ильиной она парировала одним:

– Я не уверена, что Анна Андреевна хотела бы видеть эти воспоминания опубликованными.

Попытаюсь воспроизвести рассказ Ф. Г. Зима сорок второго года. Неуютный Ташкент. Ф. Г. пришла в дом, где жила Анна Андреевна.

– Я к вам, – сказала Ф. Г., входя в темную, холодную комнату с сизыми пятнами сырости на стенах и подтеками на потолке. Анна Андреевна сидела, поджав ноги, на кровати, укрывшись серым одеялом «солдатского» сукна.

– Кто это? – спросила она, не разглядев.

– Я Раневская, – ответила Ф. Г.

– А, – улыбнулась Анна Андреевна, – проходите.

– Давайте затопим и будем пить чай, – предложила Ф. Г.

Анна Андреевна, которой нездоровилось, грустно улыбнулась.

– У меня нет дров.

– Сейчас будут, – ответила Ф. Г.

Она вышла во двор. Ряд сараев, все на замках. Она дернула один, другой. Третий поддался. Саксаул. Взяв бревно с сучьями, Ф. Г. вышла из сарая и стала думать, как его расколоть. Во дворе ничего подходящего не нашлось. Вышла на улицу – никого. И вдруг случайный прохожий. С виду мастеровой, с перекинутым через плечо столярным ящиком на ремне. Ф. Г. остановила его:

– В этом доме, в холодной комнате сидит одинокая женщина, надо согреть ее. Не можете ли вы разрубить это?

Он сразу согласился:

– Отчего же, можно и разрубить.

– Но это бревно я украла, – предупредила Ф. Г.

– Что же, бывает, бывает, – не удивился он.

– И у меня нет ни копейки, я не смогу заплатить вам, – призналась Ф. Г.

– Ну что ж, можно и без денег. Нет и не надо, – ответил мастеровой. – Люди должны помогать друг другу.

Это был, как говорила Ф. Г., живой Платон Каратаев. Он быстро тут же на улице разделал бревно. Ф. Г. поблагодарила его и, сняв свою шубу, побросала в нее поленья. С этим узлом она и явилась к Анне Андреевне.

Когда Ахматова вспоминала в автобиографических заметках об этих днях, – «А еще я узнала, что такое человеческая доброта: в Ташкенте я много и тяжело болела», – мне кажется, она писала и о Раневской.

КЛЯТВА МАРГАРИТЫ

Позвонила Елена Сергеевна Булгакова и попросила меня зайти за журналом – получен сигнал со второй частью «Мастера и Маргариты».

Ф. Г. сдружилась с Еленой Сергеевной уже после смерти М. А. Булгакова, которого при жизни она видела несколько раз мельком. Почти все в то время еще не изданные книги Булгакова она читала уже после того, как их автора не стало. И вот теперь, спустя тридцать лет после окончания работы, выходит главная булгаковская книга – «Мастер и Маргарита».

О том, что этот роман автобиографичен, знают все. Романтическому началу взаимоотношений Мастера и его Маргариты суждено было такое же продолжение. Елена Сергеевна, отказавшись от обеспеченного мужа, ушла к начинающему литератору и всю жизнь делила с ним тяготы, обильно выпавшие на его долю. Трудно ей было и после смерти Михаила Афанасьевича. Елена Сергеевна жила почти впроголодь: ничего не издавалось, ничего не ставилось. Ф. Г. помогала, как могла.

«Мастер и Маргарита» стал делом жизни Елены Сергеевны. Ф. Г. рассказала, что перед смертью Михаил Афанасьевич, уже лишенный дара речи, знаком подозвал к себе жену.

– Что ты хочешь, пить? – спросила она. Он покачал головой. – Что же?

Она пыталась догадаться. Наконец сказала:

– Роман? Ты беспокоишься о романе?

Он кивнул и заплакал.

– Не надо, не беспокойся. – Она встала на колени. – Клянусь, я не умру, пока не добьюсь, что роман будет напечатан, его узнают люди, клянусь тебе.

Через день М. А. Булгакова не стало.

Михаил Булгаков

«СЭВИДЖ». ПЕРВЫЙ ПРОГОН

Я сидел однажды в кресле, рассматривая журнал. Ф. Г. работала над ролью, полулежа на тахте.

– Я не мешаю? – спросил.

– Нет, нет, вы создаете деловую атмосферу.

Я заметил, что Ф. Г. любила, когда при ней занимаются делами, – в эти минуты она особенно охотно писала письма, читала, работала. Углубившись в журнал, я изредка поглядывал на нее – она в очках с очень живым и подвижным лицом, взглядом, направленным внутрь, читала роль. Иногда при этом у нее шевелились губы, она отрывалась от тетради и как будто что-то говорила кому-то в сторону. Вслух свою роль дома она не читала никогда. И вот Ф. Г. сказала:

– Завтра прогон – еще без костюмов и декораций – первый прогон. Не на сцене, а в фойе.

Я попросил ее взять меня с собой.

– А как же с вашей работой? – спросила она. – Ведь прогон – днем.

– Я договорюсь – это нетрудно. Притом будет же наша редакция когда-нибудь записывать «Сэвидж» – пусть я стану первым редактором, который пришел познакомиться со спектаклем.

Именно так и представила меня Ф. Г. режиссеру Варпаховскому. («Мне же неудобно было говорить, что я пригласила на репетицию своего знакомого», – объяснила потом она мне.)

Что же сказать об этом прогоне? Спектакля еще не было. Однако уже ясно, что есть одна роль, которую можно назвать сделанной, – миссис Сэвидж. В ней было все, что определяет ее суть: любовь к людям, страх перед жестокой жизнью, вера в доброе предназначение венца творения. Был живой человек.

– По-настоящему я начинаю играть тогда, когда пьесу уже пора снимать!

Все это будет, но останется неизменной основа – все то, что можно было видеть на первом прогоне.

Альбом, в котором записана роль Сэвидж, весь испещрен пометками Раневской.

Вот одна из записей, относящихся к этой работе:

«Как это ни странно, эпитафией я мысленно взяла слова Маркса: «Я смеюсь над так называемыми «практическими» людьми, их премудростью. Если хочешь быть скотиной, конечно, можно повернуться спиной к мукам человечества и заботиться о своей собственной шкуре».

ТАИРОВ И «ПАТЕТИЧЕСКАЯ СОНАТА»

Схема московской театральной географии Раневской такова: Камерный театр, Театр Красной Армии, Охлопковский (театр им. Маяковского), «Моссовет», Театр им. Пушкина и снова «Моссовет».

Начало – в Камерном, у Таирова. Весной 1931 года А. Я. Таиров приступил к репетициям пьесы украинского драматурга Николая Кулиша «Патетическая соната», в которой Раневской поручили роль Зинки. В декабре, 20-го дня, состоялась премьера.

Газеты и журналы горячо обсуждали достоинства и (преимущественно!) недостатки пьесы Кулиша.

В полемическом пылу критика предъявила пьесе множество тяжких обвинений. Говорилось, что в пьесе «нет пафоса классового гнева», что «все типы враждебных нам классов даны с величайшим художественным напряжением», а положительные герои написаны невыразительно. В особый критический раж впала одна из украинских газет, которая назвала пьесу «националистической контрабандой» и предложила сделать «беспощадные выводы относительно контрабандиста Кулиша».

Все в духе времени. Разносный, крикливый характер ничем не подкрепленных оценок вместо доказательного разбора. Статьи, похожие на донос, которые, как и полагается, привели в конечном итоге к аресту и расстрелу автора, объявленного «врагом народа».

Выполняя «социальный заказ», критики так увлеклись спорами о пьесе, что на ее исполнителей у них не оставалось места. И все же почти в каждой рецензии Раневской уделялась хотя бы строчка. Иногда ее фамилия была названа в перечислении: «Вдумчивая актерская интерпретация сказалась на образах...» Иногда критик оказывался щедрее: «Удачно раскрыт авторский замысел артисткой Раневской, играющей Зинку» («Советское искусство»). Или: «Надо отметить интересную игру новой артистки театра Раневской» (журнал «Прожектор»).

Александр Таиров

Но о чем сегодня нам могут сказать эти общие слова? Разве только о том, что дебют не остался незамеченным? Может быть, как никогда прежде (да и никогда позже), дебютантка жадно искала и читала все, что писалось о «Патетической», о ее роли, о ней самой, и жаждала успеха. Для нее это значило многое – сцена знаменитого театра, новый столичный, искушенный зритель, город – центр театральной жизни страны.

В этот центр Раневская добиралась тогда из села Всехсвятского, где сняла комнату (теперь там метро «Сокол»), на трамвае № 13, трясущемся по одной колее, то и дело долго стоящем на разъездах. Ехала в Камерный театр, на Тверской бульвар, и прислушивалась, не заговорят ли о ее премьере. Ей казалось, что зрители обязательно запомнят ее Зинку. Но трамвайные пассажиры, как и положено постоянным героям юмористических рассказов тех лет, говорили только на предписанные сатириками темы.

Архив Камерного театра сохранил для нас пьесу Николая Гуровича Кулиша. Пьесу, которую вскоре запретили (в Камерном она прошла только 40 раз), уничтожили, имя ее автора вычеркнули из литературы и жизни, – сохранил архив!

Меня интересовала Зинка. История ее начинается весной 1917 года. Мансарда трехэтажного дома генерала Пероцкого. На дверях надпись: «По случаю Пасхи никого не принимаю». Здесь живет Зинка, Зинаида Масюкова, безработная швейка, бывшая горничная.

Генеральская квартира – на втором этаже. Ее, как и весь дом, представленный на сцене Камерного в разрезе, хорошо видно. Вот сынок генерала, Жоржик, выпросив денег у экономки, направляется к Зинке.

А Зинка хочет сегодня отметить праздник. Она надела свое голубое, сатиновое платье, расчесала волосы на прямой пробор, помолилась Богу и сидит чистая, просветленная, мечтает о «дорогом и милом» – ей двадцать три, а любви она не знала. Мир ей кажется добрым, светлым – оттого и она сегодня иная. Настойчивый стук в дверь нарушает ее спокойствие. Она пытается сопротивляться, не пустить к себе незваного гостя, но Жорж требует: «Папа сказал, выселит тебя, если не заплатишь сегодня». А платить нечем. Зинка, глядя куда-то в сторону, обреченно впускает Жоржа...

Жорж оставляет расписку: «...Получил от нее семь рублей квартирной платы и заплатил эти деньги за первый визит к ней».

Праздник не получился. Униженная Зинка остается одна – без радости, без мечты. «Ой, как тяжело! Боже!» Она пытается молиться – не получается. Берет гитару, медленно наигрывает старый мотив «Отчего ты бедный, отчего ты бледный», тихо начинает петь совсем иные слова:

Ой, Боже мой, Боже! Ужель не поможешь?
Иль, может, бесплатно помочь мне не можешь?

Обрывает песню и вдруг внезапно, как вопль, взметнув руки к небу: «Ужель и ты, Боже, да хочешь того же?! Приходи! (Руки падали вниз, меж колен.) Приходи и ты!»

Зал в этом месте охал, и я понял его и охнул вместе с ним, когда Раневская проиграла мне эту сцену. Проиграла как-то неожиданно, без видимого перехода, рассказывая о работе с Таировым.

Она любила эту роль, хотя сначала боялась ее. Зинка на десять лет моложе, характер – весь на контрастах: она груба и нежна, ласкова и неприветлива, «перепады» ее настроения быстры и непоследовательны.

Раневская в роли Зинки в спектакле «Патетическая соната». 1931 г.

Ф. Г. рассказала еще об одном эпизоде (удивительно, как надолго, очевидно навсегда, запомнила она текст своей роли). В «город, опоздавший с Октябрем», пришли красные. Жоржик, спасаясь от преследования патруля, врывается в комнату Зинки. Он просит спрятать его: патруль уже близко, поднимается по лестнице, сейчас будет здесь, в мансарде. Зинке поверят, не надо открывать дверь! На коленях, цепляясь за Зинкину юбку, просит Жоржик: «Вы богородица. Вы теперь мне как мамочка».

Зинка, сначала слушавшая Жоржа с брезгливым любопытством, при слове «мамочка» замирает пораженная. «А ну, – робко просит она, – еще раз скажи это слово». Жорж повторяет. Плача, Зинка привлекает его к себе: «Мамочка! Дитя ты мое! Золотое! Не плачь! Хочешь, сиси дам? Свялой, смятой...» И, положив руку на грудь, вдруг прозревает: «Нет!.. Не выйдет из меня мамочки!..» «Цыц!» – прикрикивает она на Жоржа. И глаза уже – злобные, ненавидящие, сухие. Она открывает дверь навстречу патрулю.

Зрители приняли спектакль. Бросали на сцену цветы, долго аплодировали, вызывали автора, режиссера, актеров. Павла Леонтьевна, смотревшая премьеру, очень волнуясь за Ф. Г., после спектакля вбежала в ее уборную, радостная, возбужденная.

– Мы победили! – сказала она.

АНТИПЫРЬИН

– С режиссерами мне всю жизнь везло. В поисках хорошего я меняла сцену на сцену, переспала со всеми театрами Москвы и ни с кем не получила удовольствия!

А в кино?! «Ошибку инженера Кочина» Мачерета помните? У него в этой чуши собачьей я играла Иду, жену портного. Он же просто сделал из меня идиотку!

– Войдите в дверь, остановитесь, разведите руками и улыбнитесь. И все! – сказал он мне. – Понятно?

– Нет, Сашенька, ничего не понятно!

– Но, Фаиночка, согласись, мы не во МХАТе! Делаем советский детектив – на психологию места тут нет!

Я сдалась, сделала все, что он просил, а потом на экране оказалось, что я радостно приветствую энкавэдэшников!

Не говорю уже о том, что Мачерет, сам того не желая, сделал картинку с антисемитским душком, и дети опять прыгали вокруг меня, на разные голоса выкрикивая одну мою фразу: «Абрам, ты забыл свои галоши!»

А Кошеверова? Выбросить из «Золушки» мой лучший эпизод! После того как этот чертов башмачок пришелся по ноге Леночке Юнгер – она чудно Анну играла, – я зычно командовала капралу: «За мной!» И тут же запевала:

– Эх ты, ворон, эх ты, ворон, пташечка! Канареечка жалобно поет!

И под удивительный марш сочинения Спадевекия отправлялась во дворец. Где это все? Можно подумать, что мне приходилось в кино часто петь!

А Пырьев?! Я снималась у этого деспота в «Любимой девушке». «Любимую», разумеется, играла Ладынина, из меня делать «любимую» никто никогда не пробовал. И что же? В последний съемочный день он мне говорит:

– Фаина Григорьевна, я надеюсь на нашу дальнейшую совместную работу.

И думаете, случайно я выпалила в ответ:

– Нет уж, дорогой Иван Александрович, я теперь вместо пургена буду до конца дней моих пить антипырьин, чтобы только не попасть еще раз под ваше начало!

Это был сплошной кошмар! И зачем я только согласилась на эту тетку Добрякова?!

Вася Добряков достался Санаеву. Пырьев орал на него как резаный, а Санаев, хороший, мягкий человек, после того как случайно попал в КГБ и отсидел там, кажется, неделю, стал запуганным на всю жизнь: никогда никому не возражал и со всем только соглашался. Иван вил из него веревки!

На Марину кричать побаивался. Она всем на каждом шагу говорила:

– Я – мхатовка!

При этом хотелось встать, снять шляпу и обращаться к ней только по имени-отчеству. Хотя на самом деле она была но МХАТе без году неделю.

Мхатовка! Подумаешь – невидаль! Я сама могла бы называться мхатовкой, если бы не моя рассеянность. Да, я действительно однажды забыла люстру в троллейбусе. Новую, только что купленную. Загляделась на кого-то и так отчаянно кокетничала, что вышла через заднюю дверь без люстры: на одной руке сумочка, другая была занята воздушными поцелуями. Но со МХАТом все получилось значительно хуже.

Боже, меня пригласил на встречу сам Немирович-Данченко! Я пришла в его кабинет, с волнением ступая по мхатовским сукнам фойе и коридоров, сидела перед ним в кресле, любуясь его необыкновенной бородой. Знаете, что в ней было необыкновенного? Только не смейтесь! Она на самом деле светила! От нее исходило сияние. Перевернутый нимб – не над головой, а под подбородком, как слюнвячик у ребенка. Немирович предложил мне работать во МХАТе.

– Вы можете подумать, дорогая. Я понимаю, приглашение в наш театр способен изменить всю жизнь актрисы, – сказал он.

– Что тут думать, – выпалила я. – Я согласна, конечно. Согласна!

И, прощаясь, когда Немирович поцеловал мне руку, проникновенно произнесла:

– Спасибо, спасибо вам, Василий Петрович! Этого дня, Василий Петрович, я никогда не забуду!

А наутро секретарь Немировича мне сообщила:

– Приказ о вашем зачислении в труппу Художественного театра Владимир Иванович отложил.

Отложил, увы, навсегда.

– Господи, Фаина, объясни, почему ты назвала Владимира Ивановича Василием Петровичем, – удивился Качалов, с которым я поделилась своим горем. – Ну, Василием – это я могу понять: ты в это время думала обо мне, как мы вместе выйдем в «Вишневом саде». Но откуда взялся Петрович? Еще один роман?!

Роман со МХАТом, о котором я мечтала, не получился. Аде Войчик с Пырьевым тоже, конечно, безумно не повезло. Ее угораздило родить ему ребенка. Сыграла она в его «Конвейере смерти» и «Партийном билете» отлично – она вообще настоящая актриса, хоть и не мхатовка. И пить не умела. Но когда Иван остался без работы, кормила семью.

А потом ему понадобилась актриса, которая плясала бы и пела в полях, исходящих невиданными урожаями. Ада и на это оказалась неспособна. А какие у нее выразительные глаза! Не говорю о «Мечте», но у Эйзенштейна во второй серии «Ивана» какая она Глинская! Вроде и роли нет, а молодец!

Я с Пырьевым спорила до хрипоты. Ситуация в этой «Любимой девушке» – на уровне дебила. Любимая любит любимого, простого рабочего, собирается родить от него ребенка, но не хочет, чтобы на заводе знали об их браке. Как вам это нравится? Ничего себе конфликт состряпали?!

– Она – человек стеснительный, боится, что ее засмеют, – объясняет мне Иван.

- Так как же вы хотите, чтобы я к этой дуре относилась с симпатией?
- Из женской солидарности, – предлагает он.
- Но ведь я тетка ее мужа и не могу встать на сторону предающей племянника кретинки!

В роли Мани, тетки Добрякова в фильме «Любимая девушка»

– Фаина, не упрощайте! Речь идет о психологической драме! – сказал он и твердил это всю смену, до посинения. Извел меня окончательно, а роль-то – выведенного яйца не стоит!

– А как же быть с «Нет маленьких ролей – есть маленькие артисты»? – спросил я. – Вы же сами не раз вспоминали Станиславского!

– Вспоминала! И напрасно. Ошибся великий. Маленьких ролей предостаточно. Из них получаются такие же большие, как из дерьма – пуля! И еще. Один совет в нашей стране советов. Запомните: за все, что вы совершаете недоброе, придется расплачиваться той же монетой. Не знаю, кто уж следит за этим, но следит и очень внимательно. Марина оказалась в той же ситуации, в какую по ее вине когда-то попала Ада Войчик: Пыррева увела другая. И расплата на этот раз, по-моему, самая жестокая. Какой нынче у нас год? Так вот считайте: с пятьдесят четвертого года, когда Марина сыграла у Пыррева последнюю роль – «Испытание верности» назывался этот ее далеко не лучший фильм, – прошло пятнадцать лет! И за это время в жизни признанной кинозвезды ни одной картины! Пятнадцать лет! Что может быть страшнее для актрисы?..

НЕ ТОЛЬКО АКТРИСА

Я уже говорил, что Раневская – соавтор почти каждой своей роли. А порой – единственный автор. Иногда, правда, ее соавторство минимально. С точки зрения вмешательства в авторский текст. Минимум, вероятно, в «Золушке» Е. Л. Шварца. Ф. Г. очень любила этого «современного сказочника», а роль Мачехи относил к числу тех, что принесли настоящую радость.

В одной из своих реплик возмущенная Мачеха говорит о «сказочном свинстве». Его Раневская успешно воплотила в своей роли. В ее Мачехе зрители узнавали, несмотря на пышные «средневековые» одежды, сегодняшнюю соседку-склочницу, сослуживицу, просто знакомую, установившую в семье режим своей диктатуры. Это бытовой план роли, достаточно злой и выразительный.

Но в Мачехе есть и социальный подтекст. Сила ее, безнаказанность, самоуверенность кроются в огромных связях, в столь обширной сети «нужных людей», что ей «сам король позавидует». Причем у Шварца король не завидует Мачехе, но боится ее (это король-то!) именно из-за этих связей.

– У нее такие связи – лучше ее не трогать, – говорит он.

Мачеха-Раневская прекрасно ориентируется в сказочном государстве, она отлично знает, какие пружины и в какой момент нужно нажать, чтобы достичь цели.

Пусть сказочно нелепа задача, которую она себе поставила, – ее и ее уродливых дочек должны внести в Книгу первых красавиц королевства, – но средства, которыми она пытается добиться своего, вполне реальны. Мачеха знает: нужны прежде всего факты («Факты решают все!» – лозунг!), нужны подтверждения собственного очарования и неотразимости, а также аналогичных качеств ее дочерей. И начинается увлекательная охота за знаками внимания короля и принца: сколько раз король взглянул на них, сколько раз сказал им хотя бы одно слово, сколько раз улыбнулся «в их сторону». Учету «знаков внимания высочайших особ» Мачеха и ее дочери посвящают весь сказочный королевский бал.

Это одна из замечательных сцен фильма. В ней все смешно: и то, чем занимается милое семейство, и то, как оно это делает. Раневская здесь, повторим, минимальный соавтор Шварца-сценариста, но полная хозяйка роли. По сценарию дочери сообщают матери о знаках внимания, и та, зная силу документа, немедленно фиксирует в блокноте каждый факт. Ф. Г. ничего не добавила в текст. Она только повторила в несколько усеченном виде реплики дочерей.

На экране сцена выглядела так:

А н н а. Запиши, мамочка, принц взглянул в мою сторону три раза...

М а ч е х а. Взглянул – три раза.

А н н а. Улыбнулся один раз...

М а ч е х а. Улыбнулся – один.

А н н а. Вздохнул один, итого – пять.

М а р и а н н а. А мне король сказал: «Очень рад вас видеть» – один раз.

М а ч е х а. Видеть – один раз.

М а р и а н н а. «Ха-ха-ха» – один раз.

М а ч е х а. «Ха-ха-ха» – один раз.

М а р и а н н а. И «Проходите, проходите, здесь дует» – один раз.

М а ч е х а. Проходите – один раз.

М а р и а н н а. Итого три раза.

Свои реплики Раневская произносила меланхолически-деловито, как бы повторяя слова дочерей для себя. Притом она с легкой небрежностью вела запись в блокноте – точно так, как это делают современные официанты. Закончив запись, Мачеха, не моргнув глазом, подытожила ее тоже не менее «современно»:

– Итак, пять и три – девять знаков внимания со стороны высочайших особ!

Проба на роль мачехи к кинофильму «Золушка».

Реплика неизменно вызывала смех. находка Раневской вскрывает немудреный подтекст роли. В пору, когда любая критика чуть «выше управдома» находилась под запретом, подобные намеки находили у зрителя радостное понимание.

Я поинтересовался, как Евгений Львович относился к таким «вольностям» актрисы?

– О, он был очень доволен, – сказала Ф. Г., – хотя, как никто другой, бережно, даже болезненно бережно относился к каждой фразе, каждому слову в сценарии. Очевидно

потому, что работал над своими вещами необычайно тщательно. Меня Шварц любил и позволил несколько отсебятин – правда, согласованных с ним.

Там была еще такая сцена. Я готовлюсь к балу, примеряю разные перья – это я сама придумала: мне показалось очень характерным для Мачехи жаловаться на судьбу и тут же смотреть в зеркало, прикладывая к голове различные перья и любоваться собой. Но для действия мне не хватало текста.

Евгений Львович посмотрел, что я насочиняла, хохотнул и поцеловал руку: «С Богом!». Теперь эпизод стал таким.

Мачеха, всхлипывая, садится к зеркалу, а Золушка подает ей диковинные перья.

– Я работаю, как лошадь. Бегаю (перо), хлопочу (перо), требую (перо), добываю и добиваюсь (перо), очаровываю (тощее павлинье перо).

Кстати, хотя все это и вошло с разрешения Евгения Львовича в фильм, но, издавая сценарий, Шварц остался верен первоначальному варианту своего текста и вымарал все мои «добавки», все эти «добываю и добиваюсь» – еще одно свидетельство, как относился он к написанному.

Мачеха – одна из лучших комедийных ролей Раневской. Но вот загадочная метаморфоза: злая Мачеха – объект ненависти читателей «Золушки» Перро – в фильме вызывает восхищение и восторг. Даже юные зрители, которые часто острее взрослых воспринимают зло, встречают ее появление на экране с радостным оживлением. И по окончании фильма говорят о ней не с возмущением, а с любовью.

И при этом Мачеха ни на секунду не перестает быть «отрицательной». Ее чванство, хамство, тирания обрисованы и сыграны выпукло, четко, без полутонov. Даже покидая поле битвы, она не желает признавать поражения. «А еще корону надел!» – успевает она бросить королю.

Мачеха Раневской глупа и мелочно коварна. Она, конечно, никогда не признается в этом, ибо считает себя талантливым стратегом и женщиной, умеющей жить. Как она хочет пробиться в высший круг – в королевское семейство! Для этого все средства хороши. «Капрал! Зовите короля! Туфелька как раз по ноге одной из моих дочек, – стремительно приказывает она, не собираясь примерять хрустальный башмачок. И тут же добавляет весьма многозначительно: – Я вам буду очень благодарна. Вы понимаете меня? Очень! (Тихо.) Озолочу!»

А как деловито-озабоченно осведомляется она, когда башмачок пришлось все же примерить и он оказался мал для ее дочерей: «Других размеров нету?»

И все это Раневская делает открыто, напоказ. Ее коварство – демонстративное, хитрость – обнаженная, глупость – откровенная. Раневская играет свою Мачеху так, что заставляет зрителя насквозь видеть ее.

Демонстративное коварство Мачехи – не страшно, оно – смешно. Раневская сама смеется над ним и приглашает к смеху зрителя. Она убеждает – можно заставить зрителей ненавидеть героя и при этом им восхищаться. Восхищение – от мастерства актрисы. И при этом актриса, безусловно, любит своих героинь, как это ни парадоксально звучит.

«Золушка» – минимальный вариант вмешательства Ф. Г. в текст роли, прямого соавторства. Но кто установит ее многочисленные дописки текста в других фильмах?

– Как рождаются эти фразы, трудно сказать, – говорила Ф. Г. – Часто путем долгих поисков, когда мучаешься над текстом и не можешь понять, чего же не хватает. Иногда как бы само собой. Но без этого я не смогла бы играть. Вот в «Мечте», помните, я обнаруживаю пропажу денег, кидаюсь к прислуге, выхватываю у нее из-за пазухи пачку купюр и кричу:

– Смотрите, панове, у меня в доме воровка. Она обокрала меня, сломала комод и вытащила деньги. Это же мои деньги – они еще пахнут нафталином!

С Эрастом Гариным в фильме «Золушка»

Последняя фраза про нафталин родилась на съемках – я нюхала деньги и громогласно объявляла результат. Без него вся сцена мне показалась малоубедительной: ведь запах нафталина здесь единственное доказательство, что к прислуге попали деньги именно из комода. И притом обнюхать собственные деньги, согласитесь, что для Розы Скороход – это точная, характерная деталь.

«С ДОСАДОЙ!»

Мы договорились пойти днем погулять по Кремлю.

– Полвека не было такой возможности. Надо же взглянуть, во что превратили большевики памятник культуры. И истории тоже, – сказала Ф. Г.

Но наш «главный» – Константин Степанович Кузаков – объявил прослушивание и обсуждение. Удрать после того, как я столкнулся с ним лицом к лицу в коридоре, было невозможно. Пришлось позвонить Ф. Г. и извиниться.

Потом она рассказала:

– Я ходила по Кремлю одна, дошла до царь-пушки, села и больше не вставала. Нет Чудова монастыря, нет знаменитых церквей и памятников. Но сидеть, размышляя о варварстве в горестном одиночестве, мне не дали. И все потому, что я оказалась брошенной на произвол судьбы. С вами ко мне почти не пристают, а тут я заделалась фотомodelью:

– Можно с вами сфотографироваться? А нам можно с вами...

– Конечно, с удовольствием, – лицемерила я, понимая, что прогулке конец.

Вот только солдатик один понравился. Он подошел, покраснев от смущения, как мак, и попросил:

– Моя мама с детства любит вас, и я тоже видел вашу «Золушку». Можно, я пошлю маме фотку с вами? И автограф.

Конечно, на «фотку» я не могла не согласиться! Нас щелкнул какой-то фотокорр и – не поверите – оказался честным человеком! Первый раз в жизни я получила от него десяток добрых бабушек, соблазняющих воина советской армии. Вадим Козин получил за это срок, а мне пока сошло с рук.

Ф. Г. выбрала одну фотографию, «самую лучшую», как она сказала, и надписала ее: «Милому Глебу – с досадой!»

– Такая я уж злопамятная, как шварцевская Мачеха, – сказала она и вдруг спросила:

– А вы боитесь Кузакова?

– Когда в редакции заговорили, что он сын Сталина, и лоб его, и овал лица, особенно надбровная часть, мне показались копией со знаменитых портретов, я испытал и любопытство, и непонятную робость. Но потом привык, как и все.

Короткое время я был ответсекретарем, с Константином Степановичем общался по несколько раз на день, и, по-моему, мы сработались. Во всяком случае, он понял мой скулеж по привычной работе и жалобы на бесконечный поток планов – тематических, перспективных, квартальных, недельных – и отпустил меня снова в корреспонденты. Он хороший человек. И добрый, хоть проколов не забывает.

– Злопамятность у него от отца. А доброта от матери, простой русской бабы, пожалевшей и согревшей когда-то ссыльного в ледяном Туруханске. Все русские женщины жалостливы по натуре. И я тоже, хоть и из другого рода, – вздохнула Ф. Г. – Россия нас делает такими.

А с вашим нынешним шефом я сталкивалась на «Мосфильме». Он ведь сделал оглушительную карьеру: чуть ли не в двадцать лет стал работником аппарата ЦК – шагнул из рядовых на самый верх, минуя положенные ступени. И дошел бы Бог знает до каких высот, если бы не смерть отца. На «Мосфильм» его прислали главным редактором, держался он скромно. Но если звучало: «Кузаков согласен», значит, картине открыт зеленый свет. Вот вам и странности нашей системы.

Закончила Ф. Г. неожиданно:

– А о Кремле я вам не скажу больше ни слова. Пока мы не совершим прогулку по его камням, увы, уже не священным...

ПРОГУЛКА ПО КРЕМЛЮ

В Кремль мы собрались месяца через два. Было уже тепло, деревья зазеленели.

– По правде говоря, мне и не очень хочется бродить здесь, – сказала Ф. Г., когда мы миновали Спасские ворота. – Одного раза вполне довольно. До революции, как вы, конечно, не догадываетесь, я не удосужилась посетить этот символ государственности. Другие были заботы, и ничего, кроме малинового звона на пасху – со всех сторон, и из Кремля тоже, – не запомнила. Меня, по легкомыслию, больше интересовал Мюр и Мерилиз – там мне Гельцер поднесла чудную Шанель № 5. На такие духи моих денег не хватило бы.

А потом Кремль стал закрытой крепостью, и я видела его только в кино. Смотрела на экране бесконечные физкультурные парады на Красной площади и не подозревала, что они – любимое зрелище Сталина и его подельника Гитлера. Михаил Ильич Ромм в своем «Фашизме» показал это.

Александров и Пырьев по поводу и без вставляли Кремль в свои фильмы. Иван даже умудрился засунуть его в эту ходульную мелодраму, где Ладынина всю картину страдает на одной краске. Не помню, как этот бред назывался.

– «Испытание верности», – сказал я.

– «Испытание зрителя», который может все снести, если чушь подслащена Дунаевским. Исаак Осипович, кстати, и был-то в Кремле от силы два раза, получая награды. Я тоже побывала на таком получении и на всю жизнь запомнила это.

Задолго до события составлялись подробные списки. Там указывалось все: место рождения, год, образование, работа, семейное положение и номер паспорта, конечно. Потом, недели за две до вручения ставили в известность, когда и к каким воротам явиться.

Москва, физкультурпарад. 1938 г. Фото Э. Евзерикина

– Не забудьте паспорт! – предупреждали по телефону. Помню, часам к двум дня у Боро-вицких ворот, в садике, выстроился длинный хвост – никого не пускали, пока не выйдет время. Затем поочередно начали сличать фотографию в паспорте с наружностью, номера и прописку с тем, что значилось в списке, и так у каждого, каким бы известным он ни был. Пройдешь ворота – дальше ни с места, жди, пока всех не проверят.

Стою, оглядываюсь: нигде ни души, пустой тротуар к Кремлевскому дворцу, и только дюжина кагебешников возле нас, все в форме. Шестеро встали впереди, шестеро – сзади и повели нас колонной к Дворцу. «Как заключенных, – подумала я. – Только конвою не хватает ружей».

– Подтягивайтесь, подтягивайтесь, товарищи! – торопят нас.

Всем-то любопытно, вертят головами по сторонам, но нельзя!

А идти всего метров сто, не больше. У входа во Дворец – там такая медная табличка сверкала на солнце «Верховный Совет Союза ССР» – снова проверка, такая же дотошная, все уже измотались – сил нет. Поднялись по длинной лестнице, а уже три часа!

Появился Калинин, нет – Георгадзе. Расплылся в улыбке и сказал мне что-то об особом удовольствии, и я в ответ заулыбалась, а сама думала: «Скорей бы все это кончилось». Неуютно там, как в казарме. И бокал шампанского не поднял настроения.

А главное, дальше – то же самое, но в обратном порядке! «А теперь-то зачем? – закипала я. – Ну, каждый получил свое, ничего не украл, – отпустите душу с Богом!» Нет, те же испытующие взгляды, каменные лица, будто и «Весну» никогда не видели, – это я ведь за Маргариту Львовну получала лауреатство.

Мы сидели на скамейке неподалеку от царь-колокола, никогда не звонившего, и царь-пушки, никогда не стрелявшей.

– А это и не нужно! – усмехнулась Ф. Г. – У русского народа – постоянная тяга к гигантам. Все самое большое, пусть и недействующее, – наше. Огромное и могучее. Отсюда и страсть к силе, поклонение всевластию, восторг от изуверства, сделанного сильной рукой.

Пойдемте на ту сторону – я вам кое-что покажу, – предложила Ф. Г., и мы ступили на зебру пешеходного перехода, но тут же раздался свисток одиноко стоящего военного:

– Вернитесь!

– Туда нельзя, – сказала Ф. Г., – а вы говорите «свобода, гуляй, где хошь!» Ну, так постоим здесь, и отсюда все разглядите.

Ф. Г. указала на Пыточную башню и стройную кирпичную беседку, крыша которой подпиралась пузатыми балястрами.

– Изящная, правда? – усмехнулась она. – «Нарекая» называлась. Оттуда два великих государя, и Иван и Петр, наблюдали за казнями, смотрели во все глаза, как на лобном месте рубили головы, на площади вешали бояр и стрельцов, а потом шли в Пыточную и измывались над близкими и приближенными, наслаждались, видя, как они корчатся на дыбе, а то и сами делали с ними кое-что. Почитайте «Епифанские шлюзы» Андрея Платонова. Он живописует издевательства Петра над англичанином, которого сам же пригласил строить канал между Доном и Окою, наподобие голландских, что с юности втемяшились в него. Петр достигал ивановской жестокости – и тут у писателя все достоверно.

Вообще, надо впитывать из первоисточников! Читать Костомарова, Ключевского – они оперируют только фактами, не оглядываясь на идеологию. Я сама не могла оторваться от них.

Как-то Анна Андреевна зашла ко мне:

– Фаина, что вы читаете?

– Переписку Ивана Грозного с Курбским. Она засмеялась:

– Вот вы вся в этом! Ну, кто еще в наше время додумается читать написанное в шестнадцатом веке?!

На Ивановской площади мы сделали последнюю остановку: пища духовная требовала смены. Ф. Г. указала на «золотое крыльцо»:

– Оттуда не только читали царские указы, орали на всю Ивановскую. Оттуда юный Иван приказал разрубить на части живого слона, подарок персидского шейха, – слон не смог перед русским царем преклонить колена, не был этому обучен! И только что положенный на царство Иван с восторгом наблюдал, как из несчастного животного хлестала кровь, заливая площадь.

Меня всегда волновала загадка, почему Сталин так обожал этого изувера и упыря? На его счету сотни новгородцев, вырезанных по подозрению в измене, убийство сына и митрополита – грех первостепенный. А Сталин в беседе с Эйзенштейном сожалел, что Иван боярство «не дорезал»! Карамзин сравнил царствие Ивана с татаро-монгольским игом, еще более страшным. А Сталин аплодировал Алексею Толстому, написавшему по его заданию пьесу о сильной личности – «Трудные годы», и тут же запретил вторую серию эйзенштейновского фильма, где Сергей Михайлович отважился позволить этому государю испытать чувство вины от содеянного.

С кем мы будем сравнивать царствие Сосо? всю жизнь он мечтал, чтобы страна поклонялась ему, единственному. Как пели с утра до вечера об этой кровавой коротышке – «самый большой, родной и любимый»...

И еще одно, чтобы не забыть. Я, между прочим, все свои лауреатские значки, ордена, медали сложила в коробочку и надписала ее – «Похоронные принадлежности».

Московский Кремль

РОЛЬ В ЧЕТЫРЕ ЭПИЗОДА

Во время съемок фильма «Сегодня новый аттракцион» (они шли в Ленинграде) молодой режиссер Файнциммер, сын довольно известного кинорежиссера Александра Михайловича, у которого Раневская сыграла в фильме «У них есть Родина» и «Девушка с гитарой», сказал Ф. Г.:

– Как мне хотелось бы, чтобы вы снимались и у меня!

– Ну, принесите сценарий, – предложила Ф. Г., – я посмотрю и, может быть, что-нибудь придумаю.

Сценарий был «Первым посетителем». Ф. Г. согласилась написать для себя роль – на четыре небольших эпизода. Режиссер пришел в восторг:

– Это то, чего не хватало нашей картине. Класс уходящий – люди, не нужные революции! Замечательно!

Ф. Г. решила сыграть старую барыню, «аристократку». И как это часто бывает у Ф. Г., юмор, сатира оказались рядом с трагедией.

Вот эти эпизоды. (Действие происходит в Петрограде, в конце 1917 года.)

Первый. Утро. Из подъезда большого дома выходит дама в элегантном пальто, в шляпе с пером, кокетливо торчащим. На руках у нее болонка – Мими.

Где-то раздаются выстрелы.

– Что это? – испуганно спрашивает дама у дворника.

– Это революция! – отвечает.

– Как, опять? Если мне не изменяет память, ведь уже была одна революция!

– То, барыня, Февральская, а это Октябрьская.

– Стоит мне выйти на улицу, начинается революция! Ну что ж, пойдем, Мими, придется нам все делать дома.

Эпизод второй. Главный персонаж фильма – Александра Михайловна Коллонтай едет в пролетке в Комиссариат соцбеспечения. Ее сопровождает солдат-охранник.

Героиня Ф. Г. видит эту сцену.

– Мими, скорее домой, – испуганно говорит догадливая дама. – Началась национализация женщин!

И поспешно скрывается в подворотне.

Эпизод третий. Полупустой трамвай. Дама в пообтрепаншемся уже пальто обращается к нескольким пассажирам в котелках – перепуганным обывателям.

– Господа, господа, потрясающая новость! – Котелки вплотную окружают даму. – Потрясающая новость. По городу летает аэроплан. В аэроплане сидят большевики и кидают сверху записки. В записках сказано: «Помогите, не знаем, что делать».

Эпизод четвертый. Через несколько месяцев. В городе голод. Дама, уже без собачки, приходит в гости к знакомой. Холодно – пальто и шляпу с поникшим пером она не снимает. Комната, в которой ее принимает хозяйка, полупустая. Стол и несколько стульев – остатки роскошного гарнитура. Стекланный буфет, в котором почти нет посуды. На стенах следы от картин, очевидно, проданных.

– Вы извините, – говорит хозяйка, – я сейчас отправлю Марфу на Садовую – мы ведь теперь пирожками торгуем. С кониной. А сами будем пить чай.

Хозяйка уходит на кухню.

Взгляд гостьи падает на корзинку, прикрытую клеенкой. Озираясь по сторонам, дама достает из-под клеенки пирожок и жадно ест.

Она оглядывает комнату. В глазах тоска и боль. На камине замечает бронзовую фигурку с циферблатом. Это, пожалуй, единственная «ценная» вещь в комнате. Дама быстро подходит к камину и прячет фигурку под пальто. Затем переходит к столу.

– Ну что же вы стоите, – улыбается, входя, хозяйка. – Вот и чай, присаживайтесь!

– Спасибо, дорогая, но мне пора, – темнеет, а сейчас сами знаете, как ходить по улицам! Я зайду к вам на днях. У меня столько потрясающих новостей.

Она целует хозяйку и идет к дверям. И тут из-под пальто раздается звон будильника. Дама начинает что-то громко, быстро говорить, чтобы «перекрыть» звон, потом замирает. Часы звонят. Когда они смолкают, дама поворачивается к хозяйке. Глаза полны слез. Безмолвно она подходит к камину, достает часы, ставит их на место и медленно уходит.

Режиссер заверял, что все снимет за несколько дней. И действительно, первый эпизод сняли довольно быстро. А дальше появился сценарист и сказал, что в свой сценарий «отсебятину» он не допустит.

Снятый эпизод и вошел в фильм, да и то в сокращенном варианте. Реплику «Стоит мне только выйти на улицу, и начинается революция» посчитали неуместной.

Фаина Раневская. Шарж Иосифа Игина

БУЛГАКОВ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Ф. Г. прочла мне две странички воспоминаний об А. А. Ахматовой для сборника, который готовился к печати. Там, между прочим, было упоминание о том, что Анна Ахматова читала ей роман «Мастер и Маргарита» М. Булгакова, тогда еще не опубликованный, и восхищалась гениальностью писателя.

Это было в Ташкенте. Стояло жаркое лето. Ф. Г. почти ежедневно бывала у Анны Андреевны, часто оставаясь у нее ночевать. «Мастера и Маргариту» они читали по ночам, когда спадала жара: Ф. Г. лежала на глиняном полу, Анна Андреевна на солдатской койке – чтение продолжалось порой всю ночь. Анна Андреевна, которую Ф. Г. называла ласково «Рабби», читала вдохновенно. Когда она прочла первую главу – о встрече у Патриарших прудов редактора журнала с таинственным незнакомцем, Ф. Г. стало страшно.

– Кто это был, Рабби? – спросила она.

Глаза Анны Андреевны блеснули, затем сощурились, и она ответила почти шепотом:

– Дьявол, душенька!

– От страха я закричала во все горло, – вспоминала Ф. Г.

Ф. Г. преклонялась перед талантом М. Булгакова. Как только появился «Мастер и Маргарита» в журнале «Москва», она вновь перечитала его. И часто наш разговор возвращался к этому роману или к «Запискам покойника».

– Какое буйство фантазии, какие сказочные превращения, – говорила Ф. Г. о «Мастере и Маргарите» и его авторе. – Он умеет разрывать привычные связи и делать самые обычные вещи невероятными. Невероятное окружает вас в его романе со всех сторон.

И Ф. Г. поведала две небольшие «булгаковские» истории – фантастические и будничные одновременно. Обе они из анналов больницы, где Ф. Г. лечилась.

Генерал и известный художник умерли в один и тот же день, В один и тот же день назначили похороны. Покойников обрядили в черные костюмы, но служащие морга перепутали тела: на груди художника расположили все многочисленные генеральские награды. Когда в последнюю минуту, перед самым приходом родственников, служащие обнаружили

ошибку, они, чертыхаясь, кинулись лихорадочно срывать с художника колодки с радужными лентами, ордена и медали.

Другая история – тоже по-булгаковски вероятная и невероятная. Родственники окружили гроб усопшего – последние минуты в морге, в ожидании похоронного автобуса. Хлопнула входная дверь – от неожиданности все вздрогнули, и покойник тоже. Он открыл глаза и поднялся:

– Что это?..

Врачи не смогли отличить летаргический сон от смерти. И бедный покойник сидел в гробу в окружении родственников и стеснялся встать – на нем был роскошный пиджак, рубашка с галстуком, а на ногах... кальсоны – их задрапировали тканью и прикрыли цветами.

– Принесите скорее брюки! – просил воскресший.

– Ну разве это не Булгаков? – спросила Ф. Г. – И какая сатира на больницу, на наши порядки.

Но это не был Булгаков. Это была Раневская, по-булгаковски увидевшая события.

Ф. Г. часто просила меня: «Давайте-ка почитаем «Театральный роман», – и смеялась, радуясь каждой удаче писателя, необычности его образов, точности пародии и меткости оценок. Некоторые фразы она повторяла по несколько раз, другие становились для нее «крылатыми».

Булгаков, мне кажется, восхищал Ф. Г. не только талантом. Он, как и Ф. Г., видел парадоксы там, где окружающим все кажется нормальным. И не свойство ли Раневской-актрисы, как и Булгакова-литератора, неожиданно оборвав смех, почувствовать боль за героя, перейти на тончайшую лирику. Их общий крест – бешеная любовь к театру. Никакие трудности, разочарования, несправедливости и обиды не могли отвратить ее. Неслучайно «Театральный роман» обрывается на фразе об иссушающей любви Булгакова к театру, прикованности («как жук к пробке») к нему.

Вечером того же дня, когда Ф. Г. говорила об историях в булгаковском духе, я по ее просьбе заехал к Елене Сергеевне – завез ей рецепт лекарства, которое можно достать только в Чехословакии (Е. С. Булгакова собиралась туда по приглашению чешских театральных работников). Она показала мне несколько новых книг мужа, изданных за границей, в том числе и «Мастера», появившегося в Италии спустя два месяца после публикации на русском языке, – надо же было суметь так быстро перевести и так великолепно издать его! Мы заговорили о премьере «Бега» у ермоловцев, вспомнили «Мольера» в «Ленинском комсомоле» и «Ивана Васильевича» в Студии киноактера.

Елена Булгакова

— Булгаковский год, — сказал с улыбкой я.

– Да, да! – подхватила Елена Сергеевна. – И все это невероятно и абсолютно в духе его книг. Я представила сейчас, если бы я ему сказала в то время, когда ничего не издавалось, все лежало без движения и без надежды, когда его произведения упоминались только с определенными эпитетами, если бы я ему сказала: «Миша, успокойся, вот придет пятидесятый год советской власти, и все будет издано: «Белая гвардия», «Мастер» и «Записки покойника», пойдут пьесы – во всех театрах, по всей стране», – он, человек, обожавший невероятное, не поверил бы мне. Да и я не могла бы предположить такого. К 50-летию Октября МХАТ заново ставит «Дни Турбиных». На обвиненную когда-то бог знает в каких грехах пьесу – на «Бег» – все билеты закупают участники сессии Верховного Совета. Представляете, какая это фантасмагория! Но это так! И ни одного критического слова в адрес его произведений. Мне иной раз самой не верится, что все это реальность, что все это на самом деле.

ФИНАЛ ДЛЯ «СИНЕЙ ПТИЦЫ»

Мы пошли в «дальний гастроном» – он в правом крыле дома на Котельнической.

– Надо запастись провиантом – холодильник сдыхает от одиночества, – объяснила Ф. Г. В магазине она подошла к застекленной витрине:

– Боже мой, кто это?

– Это куры, – сказал я. – Нет, здесь написано «цыплята».

– Отчего же они синие?

– Они недостаточно синие, – ответил я, процитировав Метерлинка.

– Bravo! – тотчас отреагировала Ф. Г. – Вы знаете символистов. Впрочем, не удивляюсь: вы, как и они, верите в несбыточное!

Пойдемте туда, в конец магазина – там открыли кафетерий в стоячку. Возьмете бутылку пива и для меня отольете полстаканчика. Мне нельзя, но когда очень хочется, то все равно нельзя, а я выпью: не сделаю глотка – умру тут же!

– Приносить с собой и распивать спиртное у нас запрещено, – сказала, улыбаясь, кафетерщица и протянула нам открывалку. – Для вас, товарищ Раневская, исключение. Бутылочку только на столе не оставляйте – сдадите мне.

Сделав несколько глотков, Ф. Г. снова заговорила о «Синей птице»:

– Какая это была удивительная сказка! Нет – притча. И только для взрослых. Алиса Георгиевна Коонен была Митилью. «Есть ли тут хоть одна честная душа – ее надо бы отправить на землю!» – восклицало Время в «Стране неродившихся душ» – вы не видели этого: большевики сразу запретили мистику.

– Я знаю пьесу по изданию Вольфа, дореволюционному. Мне даже приходилось делать доклад по Метерлинку, в Университете, – вспомнил я.

– Вы не фантазируете? В наше время с твердо объявленным сроком наступления светлого будущего – Метерлинк с его поисками неосуществимого счастья?!

– Наш педагог по зарубежке Елизавета Петровна Кучборская давала нам полную свободу в выборе тем.

– И вы выбрали Метерлинка. Я же говорила: вы неисправимый мечтатель. Я тоже всю жизнь гналась за Синей птицей, не осознавая это. Возьмите еще пива, – попросила Ф. Г., – я должна залить горькие мысли. Люди сегодня изменились, и время вместе с ними. Константин Сергеевич Метерлинка обожал. Алиса Георгиевна говорила, с каким восторгом он пел со всеми актерами «Мы длинной вереницей идем за Синей птицей! Идем за Синей птицей!..» А те, что на витрине, так и не успеют стать достаточно синими: их разберут наши голодные сограждане. Неплохой финал для Метерлинка в Совдепии!

«РОМАН» ЭДВАРДА ШЕЛДОНА

– Первой моей значительной ролью я обязана Павле Леонтьевне Вульф, – сказала как-то Ф. Г. – События тех лет помню лучше прошлогодних. А ведь это 1917 год. Уже после Февральской революции. Я была в Ростове. Приехала с твердым решением – на сцену больше не рваться, подыскать себе работу скромной гувернантки со знанием французского.

Но... почти ежедневно я ходила в местный театр, просто зрительницей. Здесь я впервые увидела Павлу Леонтьевну на сцене и была в восторге от ее игры. Впрочем, не одна я. Так вот, ни на что не надеясь, я вдруг решила попытать счастья еще раз. Как-то я постучалась в двери, где жила Павла Леонтьевна. Открыла ее камеристка Наталия Александровна, всю жизнь проработавшая с ней и похороненная с ней в одной могиле.

– Вы к кому? – спросила она строго.

Я сказала, что я поклонница Павлы Леонтьевны и очень хотела бы видеть ее, чтобы поговорить с ней.

Наталия Александровна, внимательно окинув меня взглядом (я была худенькая, как палец, надела на себя лучшее, что у меня осталось, – еще парижское), пригласила войти.

Затем меня позвали в комнату к Павле Леонтьевне. Павла Леонтьевна поздоровалась со мной и предложила сесть. Как она была хороша – это, ну знаете, сама женственность! Другой подобной актрисы я не знала и не знаю до сих пор.

Она спросила, что я делаю, где играю. Я отвечала ей и сказала, что мой визит связан с просьбой:

– Мне бы очень хотелось, чтобы вы послушали меня.

– У вас хороший голос, – сказала Павла Леонтьевна. – Давайте поступим так: мне принесли пьесу «Роман», выберите что-нибудь из роли Риты Каваллини. Через недельку прочтите мне.

Павла Вульф была другом и учителем Фаины Раневской

Это решило все. Ровно через неделю я читала Павле Леонтьевне, и она согласилась работать со мной над ролью Каваллини.

– У вас есть талант, – сказала она мне.

В то лето Павлу Леонтьевну пригласили на сезон в Евпаторию. У антрепренера она выхлопотала мне дебют.

В трехэтажном Евпаторийском театре, казавшемся мне гигантским, – он и сейчас мирно стоит на площади, уже никого не поражая своими размерами, – состоялось мое первое выступление в большой настоящей роли. Вы должны обязательно прочитать эту пьесу – она, наверное, есть в ВТО, – тогда я смогу рассказать вам об этом еще кое-что...

Я отыскал «Роман» в Театральной библиотеке на Пушкинской. Это, как свидетельство-вал титульный лист, было представление в трех действиях, с прологом и эпилогом Эдварда Шелдона. Перевод с английского. Действие происходит в Нью-Йорке, пролог и эпилог «в наши дни» (т. е. в начале XX века), остальные акты – в конце шестидесятых годов прошлого столетия.

Героиня Ф. Г. обозначена в списке действующих лиц как «знаменитая итальянская певица». При появлении Маргариты Каваллини в первом акте (на балу, в окружении толпы поклонников) автор дает пространную ремарку, описывающую ее: «Это очаровательная жгучая брюнетка итальянского типа. Она одета роскошно и ярко, но со вкусом. Вся ее тонкая фигурка утопает в огромном кринолине и в волнах сильно декольтированного платья. Черные локоны обрамляют с обеих сторон ее головку и спускаются мягкими кольцами на спину... В ушах длинные бриллиантовые серьги с подвесками, на шее бриллиантовая ривьера, масса драгоценностей... Сама она чрезвычайно напоминает маленького, сверкающего колибри».

Для зрителя, знающего Раневскую только по фильмам и поздним ролям, это описание покажется несколько противоречащим данным актрисы. Признаюсь, так воспринял его и я. Но, вспомнив несколько фотографий Ф. Г. двадцатых годов, понял, что сработал стереотип. Начиная Раневская была иной. Даже самый ранний фильм Ф. Г. снимался, когда ей уже исполнилось тридцать четыре года. А ведь не случайно в ее первом контракте (девятнадцатилетней актрисы!) амплуа было обозначено безоговорочно – «героиня-кокетт».

Повезло ли Ф. Г. с дебютом?

По-моему, драматургия «Романа» невысокого качества. Романтическая история, рассказанная в пьесе, полна страстей, ссор и примирений, объяснений грозных и нежных. Некоторые сцены сегодня нельзя читать без улыбки:

М а р г а р и т а (с внезапным диким ужасом). Что же вы не малились? Зачем вы сматрель так!

Он с внезапным порывом страсти хватает ее в объятия и прижимает к себе.

Т о м (торжествующе). Довольно! Мне казалось, что я пришел, чтобы спасти вас, но нет! Неправда! Я здесь потому, что люблю тебя... Люблю... Люблю больше всего на свете. *(Начинает покрывать ее бешеными поцелуями.)*

М а р г а р и т а (в полубморочном состоянии). О!

Т о м (в промежутках между поцелуями). Дорогая, любимая моя, никогда еще в жизни не испытывал я ничего подобного... Мы здесь... вдвоем... наедине... что за ночь... что за ночь...

М а р г а р и т а (в ужасе). Нет... нет...

Т о м. Она наша! Понимаешь ли, наша! Я так хочу!

М а р г а р и т а (отбиваясь). Нет... пожалуйста... пустить меня...

Т о м. Не пушу!

М а р г а р и т а. Я люблю вас...

Вот уж где на самом деле действие построено на «бесконечной любовной интриге».

Когда я пришел к Ф. Г., она говорила с Ириной Сергеевной Анисимовой-Вульф, режиссером «Моссовета», дочерью Павлы Леонтьевны. Взглянув на часы, Ирина Сергеевна стала собираться:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.